
Егор Ралович
Картограф несуществующих земель

Егор Ралович

Картограф несуществующих земель

«Автор»
2026

Ралович Е.

Картограф несуществующих земель / Е. Ралович — «Автор», 2026

Тавий Мерн, тихий картограф Межевой палаты приморского Сальвина, с детства рисует выдуманные острова, чтобы успокоиться, и сжигает листы. Однажды он не успевает сжечь рисунок, и на седьмой рассвет в заливе поднимается остров, которого не было ни на одной карте.Дар межевых редок и опасен: подписанный рисунок несуществующего места сбывается. Князь Ансельм, задавленный долгами и Советом Домов, мечтает о новых землях и требует от Тавия рисовать ещё. Но земля не берётся из ничего. Она уходит из забытых мест: сначала исчезают пустоши и мели, потом брошенные хутора, а потом и люди, о которых не осталось записей в межевых книгах.Кто-то по всей Ардее нарочно жжёт приходские описи, превращая живые места в забытые. Вместе с контрабандисткой Миртой, чей хутор исчез первым, и старым гравёром Нестором Тавий пытается понять, кому выгодно стирать страну, и узнаёт, что каждый большой рисунок забирает у него кусок памяти.

© Ралович Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Остров, которого не было 5
Глава 2. Сосна на северном мысу 10
Глава 3. Детская тетрадь 15
Глава 4. Князь на скале 20
Глава 5. Предложение 25
Глава 6. Семь дней 30
Глава 7. Пропавший хутор 35
Глава 8. Тёплый дол 40
Глава 9. Учитель 45
Глава 10. Отказ 50
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Егор Ралович
Картограф несуществующих земель

Глава 1. Остров, которого не было

В Межевой палате пахло клеем, мокрой бумагой и старым деревом. Запах не выветривался никогда. Сквозняки с моря гуляли по коридорам, хлопали ставнями на третьем этаже, шевелили края карт, прижатых свинцовыми грузиками, но запах оставался. Тавий Мерн давно перестал его замечать, как перестают замечать собственное дыхание. Замечал он его только по утрам, в первые минуты, когда поднимался по холодной лестнице, открывал дверь в чертёжную и стоял на пороге, пока глаза привыкали к полумраку.

В тот четверг он пришёл раньше всех. Ставни ещё были закрыты, и в щели между досками пробивался серый свет с залива. Тавий отворил их одну за другой. Внизу лежал Сальвин: черепичные крыши, лестницы, стекающие к воде, колокольня собора Святого Межника с часами, которые всегда отставали на четверть, и залив, в этот час тусклый, как оловянное блюдо. Над водой висел туман. Рыбачьи лодки выходили из гавани, и их паруса были похожи на кусочки бумаги, которые кто-то пустил по течению.

Он постоял у окна, сколько позволила совесть, потом сел за свой стол.

На столе лежала незаконченная работа: береговая съёмка от мыса Чайки до устья Гремучей, восемнадцать листов, из них готовы одиннадцать. Палата заказала её ещё весной, когда после зимних штормов сползли два участка берега и рыбаки из Подгорной слободы затеяли тяжбу с монастырём за новую отмель. Отмель образовалась там, где раньше была глубина, и никто не знал, кому она принадлежит. Земля, которой вчера не было, всегда становилась поводом для драки. Тавий относился к этому спокойно. Его дело было нарисовать, где кончается вода и начинается песок, а кто кого будет за этот песок таскать по судам, решали другие.

Он развязал тесёмки папки, разложил полевые записи, придавил их грузиками и начал работать.

Работа шла хорошо. Береговая линия ложилась ровно, глаз не уставал, рука не дрожала. Он любил такие часы, когда в чертёжной ещё никого нет и никто не спрашивает, почему поля на листе такой ширины, кто разрешил брать новую тушь и сколько можно сидеть над одной бухтой. Он вёл линию отмели, отмечал глубины мелкими цифрами, обозначал камни крестиками, а скалы – штриховкой, и в голове у него было пусто и чисто, как на хорошо проклеенном листе.

К полудню пришли остальные. Сначала братья Окунь, оба лысые и оба шумные, которые вечно спорили, кто из них лучше чертит рельеф, и никогда не приходили к согласию. Потом Мариан Лесс, тихий молодой человек с вечно мокрым носом, которого Палата держала за прекрасный почерк. Потом подмастерье по прозвищу Сверчок, четырнадцати лет, взъерошенный, как воробей после драки. Сверчка звали Тимкой, но так его называла только мать, когда приходила по пятницам забирать жалованье, чтобы он его не проиграл в кости.

– Мастер Мерн, – сказал Сверчок, ставя на угол стола кружку с горячим отваром, – вас опять внизу спрашивали.

– Кто?

– Человек из монастыря. Про отмель. Я сказал, что вы в поле.

– Я не в поле.

– Я знаю. Но вы же не хотели с ним разговаривать.

Тавий хотел было сказать, что врать нехорошо, но промолчал. С монастырским человеком он действительно не хотел разговаривать. Тот приходил уже трижды и каждый раз наме-

кал, что отмель можно нарисовать немного шире, если картограф будет благоразумен. Тавий каждый раз отвечал, что отмель такая, какая есть, и в четвёртый раз отвечать не хотелось.

– Спасибо, – сказал он и взял кружку.

Сверчок просиял и умчался вниз, громыхая башмаками по лестнице.

После обеда в чертёжную поднялся глава Палаты, мастер Кассиан Дорн.

Он всегда поднимался медленно, держась за перила, хотя ходил легко и мог бы взлететь по ступеням, как мальчишка. Тавий знал его двенадцать лет, с тех пор как сам пришёл сюда семнадцатилетним учеником с острова, с узелком и рекомендательным письмом от приходского священника, и давно понял, что Кассиан ничего не делает просто так. Медленный подъём давал всем в чертёжной время спрятать кости, недоеденный пирог и чужую работу, которую выдавали за свою. Кассиан не хотел ловить людей на мелочах. Он хотел, чтобы его уважали, и знал, что уважение плохо уживается со страхом.

Это был высокий худой человек шестидесяти двух лет, с длинным лицом и коротко остриженными седыми волосами. Глаза у него были светлые и внимательные, руки – большие, костистые, с пятнами туши, которые не отмывались. Он носил серый суконный кафтан без украшений и только на левой руке – тяжёлый перстень с плоским тёмным камнем. Перстень этот, по слухам, дал ему ещё старый князь, отец нынешнего, за карту северных перевалов, по которой в последнюю войну провели войско.

– Мерн, – сказал Кассиан, остановившись у стола. – Как Гремучая?

– Одиннадцать листов. К концу месяца закончу.

Кассиан наклонился, посмотрел на лист, провёл пальцем над береговой линией, не касаясь бумаги.

– Отмель ты дал по весенним промерам.

– По весенним и по летним. Она растёт.

– Монастырь будет недоволен.

– Монастырь всегда недоволен.

Кассиан слегка улыбнулся.

– Тебя опять спрашивал их человек?

– Спрашивал.

– И ты опять спрятался?

– Я н-не прятался, – сказал Тавий и сам услышал, как споткнулся на первом звуке. Это случалось с ним, когда он волновался или врал, а врал он редко и плохо. – Я работал.

– Работай, – мирно сказал Кассиан. – Отмель рисуй такую, какая есть. Если они придут ко мне, я им скажу то же самое.

Он ещё немного постоял, глядя на лист, потом выпрямился и пошёл к братьям Окунь, которые немедленно начали доказывать ему, что левый склон Чёрной горы надо штриховать гуще. Тавий вернулся к работе, но мысли у него больше не было пусто и чисто. Он думал о том, как Кассиан провёл пальцем над отмелью и не коснулся бумаги. Учитель всегда так делал. Он говорил, что бумага помнит прикосновения, и не любил, когда её трогают без нужды.

Вечером все разошлись. Сверчок ушёл последним, долго гремел внизу засовом, потом хлопнула дверь, и Палата затихла. Тавий остался.

Он часто оставался по вечерам. Снимал жильё у вдовы-зеленщицы на Канатной улице, в каморке под крышей, где было тесно, душно летом и холодно зимой. Там его никто не ждал. А здесь были широкие столы, хорошие лампы, тушь, которую не надо покупать, и тишина. Он работал до темноты, потом зажигал лампу и работал ещё. Когда глаза начинали слезиться, откладывал береговую съёмку, доставал из ящика чистый лист плохой бумаги, из обрезков, и начинал рисовать то, чего не было.

Это была привычка с детства. Он сам не помнил, когда она началась. Мать говорила, что он рисовал острова ещё до того, как научился писать буквы: на песке, на досках, на закопчён-

ной стене за печкой, за что ему не раз доставалось от отца. Острова, бухты, мысы, реки, которых нет ни на одной карте. Он рисовал их, и в груди становилось тихо. Беспокойство, которое весь день копилось в нём, как вода в трюме, уходило в бумагу, и он мог спать.

Потом он лист сжигал. Всегда. Он и сам не мог толком объяснить почему. Когда-то давно, в девять лет, он нарисовал бухту, а потом случилось что-то, о чём он не любил вспоминать. С тех пор он сжигал всё. Это был такой же ритуал, как закрыть ставни перед сном или проверить, не капает ли из бочки. Нарисовал – сжёг. В Палате у каждого стола стояла жаровня для сургуча, и Тавий держал её горячей до последнего.

В тот вечер он рисовал остров.

Начал с береговой линии, как всегда. Остров лежал в заливе, между мысом Чайки и Рыбьей косой, там, где на самом деле была глубокая вода и ходили к гавани большие корабли. Тавий нарочно поместил его туда: ему нравилось представлять, как корабли будут обходить новый остров, как капитаны будут ругаться и переделывать лоции. Остров был небольшой, с версту в длину, вытянутый с юга на север, как спящая собака. На южной оконечности – песчаный пляж, удобный для лодок. На северной – скала, высокая, обрывистая, с одинокой сосной на самом краю. Сосна росла криво, наклонившись к морю, будто хотела заглянуть вниз. Тавий нарисовал её очень тщательно: каждую ветку, корни, которые цеплялись за камень, трещину в стволе. Он не знал, зачем ему эта сосна. Просто захотелось.

Посередине острова он нарисовал маленькую рощу и родник. От родника ручей сбегал к восточному берегу и впадал в бухту, такую узкую, что в неё могла войти только одна лодка. На западном берегу – камни, мели, гнёзда чаек. Он отметил глубины, как привык, мелкими цифрами. Нарисовал рельеф штриховкой. Подписал названия, которые пришли в голову: Собачий хребет, Кривая сосна, Тихая бухта. Потом поставил в нижнем углу свой знак, розу ветров со сломанным северным лучом. Он ставил этот знак на все свои работы с тех пор, как ученик Мерн стал картографом Мерном. Знак придумал ещё в детстве: однажды упал с камня и сломал левую руку, и, пока она срасталась, рисовал правой розы ветров на всём, что попадалось. Северный луч у него всегда получался кривой, и в конце концов он решил, что так и надо.

Остров вышел хороший. Тавий долго смотрел на него и чувствовал, как внутри становится тихо.

Он уже взял лист двумя пальцами, чтобы поднести к жаровне, когда внизу грохнула дверь.

Тавий вздрогнул. Палата была заперта. Сверчок ушёл, ключ был только у Кассиана, у привратника и у самого Тавия. Он положил лист на стол, взял лампу и вышел на лестницу.

– Кто там?

Снизу никто не ответил. Потом послышались шаги, тяжёлые, неровные, и чей-то голос пробормотал что-то невнятное. Тавий спустился на один пролёт и увидел в свете лампы Нестора Гаала.

Старый гравёр стоял у подножия лестницы, держась за перила обеими руками, и тяжело дышал. Он был в одной рубахе, без кафтана, борода всклокочена, на щеке – царапина.

– Нестор! Что случилось?

– Ничего не случилось, – сказал Нестор хрипло. – Ничего такого. Дай сесть.

Тавий спустился, подхватил его под локоть и усадил на ступеньку. Нестору было семьдесят, у него болели колени, и по лестнице Палаты он не поднимался уже года три. Его мастерская стояла в соседнем переулке, на углу Медной и Канатной: там он резал на меди карты, которые Палата потом печатала. Тавий бывал у него почти каждый день. Нестор был единственным человеком в Сальвине, с которым ему было легко разговаривать.

– У тебя кровь, – сказал Тавий.

– Это не кровь. Это вино. И кровь тоже, но немного. Меня толкнули.

– Кто?

– Какие-то люди. Трое. Залезли в мастерскую. Я услышал, спустился, а они уже у шкафа с досками. Я им говорю, вы что, сукины дети, делаете, а они меня в стену. И бежать.

– Что взяли?

Нестор посмотрел на него снизу вверх. Глаза у него были мутные, испуганные, и Тавий подумал, что никогда раньше не видел старика испуганным.

– Ничего, – сказал Нестор. – Ничего не взяли. Вот что странно. Доски все на месте. Деньги на месте. Только приходские листы раскиданы. Описи. Я печатал описи для Нижнего прихода, знаешь, их каждые десять лет заново печатают. Они их порвали. Все. И ушли.

– Описи? Зачем?

– Если б я знал. Я сюда побежал, потому что у меня свет погас, а у тебя в окне лампа. Думал, может, ты их видел.

Тавий не видел никого. Он был занят островом.

Он отвёл Нестора домой. Мастерская была разгромлена не так сильно, как он ожидал: опрокинутый стул, распахнутая дверца шкафа, на полу – обрывки бумаги. Тавий собрал их. Это действительно были описи Нижнего прихода: перечни дворов, имена хозяев, межи, колодцы, огороды. Обычные скучные листы, которые никто не читает, пока не начинается тяжба. Кто-то разорвал их на мелкие клочки, тщательно, как будто хотел, чтобы их нельзя было склеить.

– Дурь какая-то, – сказал Нестор, глядя на клочки. – Ладно бы деньги. Ладно бы доски, медь нынче дорогая. А это кому надо?

– Не знаю.

– Ты стражу позовёшь?

– Позову утром.

Он промыл старику царапину, заставил его выпить горячего вина с мёдом, уложил на лавку и сидел рядом, пока тот не уснул. Нестор храпел, вздрагивал во сне и бормотал что-то про медь. Тавий смотрел на обрывки описей на столе и думал о том, что в Сальвине за последний месяц это уже не первый такой случай. Неделю назад в соседнем приходе сгорела ризница, а вместе с ней приходская книга. Говорили, от свечи. А до того у межевого писаря в Подгорной слободе украли сумку с бумагами, и тоже ничего ценного там не было, одни записи.

Он вернулся в Палату за полночь. Лампа на его столе догорела. Он зажёг новую, убрал береговую съёмку в папку, закрыл ставни и только у двери вспомнил про остров.

Лист лежал там, где он его оставил, рядом с жаровней. Жаровня остыла.

Тавий посмотрел на лист. Остров на нём был хорош, и в груди снова стало тихо. Он подумал, что утром разожжёт жаровню и сожжёт его. Утром. Сейчас он слишком устал. Он сунул лист в ящик стола, под старые обрезки, и пошёл домой.

Утром он забыл.

Утром пришёл стражник, потом монастырский человек, потом Кассиан спрашивал про Нестора, потом братья Окунь опять поругались. Тавий весь день работал над береговой съёмкой и думал о разорванных описях. Про остров он вспомнил только через два дня, когда полез в ящик за обрезками, и не нашёл его.

Он перебрал все бумаги. Вынул ящик целиком, перетряс. Листа не было.

– Сверчок, – позвал он. – Ты брал у меня из ящика бумагу?

– Какую?

– Обрезки. Там был лист с рисунком.

Сверчок покраснел так быстро и так густо, что Тавий понял ответ раньше, чем услышал.

– Я не брал рисунок, – сказал мальчишка. – Я обрезки брал. Мне на растопку, мамка просила. Я не смотрел, что там. Мастер Мерн, я правда не смотрел.

– Где они?

– Сгорели, наверно. Я в субботу отнёс.

Тавий посмотрел на него. Сверчок смотрел в пол и ковырял ногтем край стола. Он врал, конечно, но врал не о том. Тавий видел, что мальчишка чего-то боится, но не понимал чего. Он мог бы надавить, но не стал. Подумаешь, лист. Сгорел в печке у вдовы-прачки на Сухих Ступенях. Даже лучше: сам бы сжёг, а так сожгли за него.

– Ладно, – сказал он. – В другой раз спрашивай.

Сверчок кивнул и исчез.

Ещё четыре дня прошли спокойно. Тавий закончил тринадцатый лист береговой съёмки, отнёс Нестору медные доски для гравировки, выслушал от старика длинную речь о том, что стража ничего не делает и никогда не делала, и съел с ним полкорзины инжира, присланного какой-то благодарной вдовой. Про остров он не думал. Он вообще редко думал о своих рисунках после того, как они сгорали.

На седьмой день после той ночи он проснулся от колокола.

Звонили не к службе. Звонили беспорядочно, часто, как звонят на пожар или на шторм. Тавий вскочил, натянул штаны, высунулся в окно. Над Сальвином вставало солнце, и туман над заливом уже начал редеть. На Канатной улице бежали люди: вниз, к гавани. Женщины, рыбаки, мальчишки, какой-то толстый лавочник в ночном колпаке.

– Что там? – крикнул Тавий.

– Остров! – заорал снизу мальчишка, не останавливаясь. – В заливе остров вылез!

Тавий не понял. Он оделся, спустился и пошёл вслед за всеми, сначала шагом, потом быстрее. Улица выводила к Нижней набережной, к старому волнолому, откуда весь залив был виден как на ладони. На волноломе уже стояла толпа, человек двести, а люди всё подходили. Все смотрели в одну сторону. Кто-то крестился. Кто-то смеялся нервным смехом. Старуха в чёрном платке громко молилась святому Межнику. Двое рыбаков спорили, мол, ещё вчера вечером ходили этим местом и никакого острова не было, там глубина такая, что якорь не достаёт.

Тавий протиснулся к краю волнолома и посмотрел.

Туман уходил с воды, рвался на клочья, и в разрывах между клочьями, между мысом Чайки и Рыбьей косой, там, где всегда была глубокая вода и ходили большие корабли, лежал остров.

Небольшой, с версту в длину. Вытянутый с юга на север, как спящая собака. На южной оконечности блестел песчаный пляж. На северной поднималась скала, высокая, обрывистая, и на самом её краю, наклонившись к морю, будто хотела заглянуть вниз, стояла одинокая кривая сосна.

Тавий смотрел на неё и не мог отвести глаз. Вокруг кричали люди, звонил колокол, где-то заржала лошадь. Он ничего не слышал. Он видел сосну, видел, как торчат её корни над обрывом, и знал, что, если подплыть ближе, в стволе будет трещина. Он знал это так же точно, как знал собственное имя, потому что сам её нарисовал.

У него задрожали руки. Он сунул их под мышки, как мальчишка, которому холодно, и стоял так, пока солнце не поднялось над Серыми Зубцами и туман не ушёл совсем.

Остров никуда не делся.

Глава 2. Сосна на северном мысу

Лодку Тавий нашёл не сразу. Половина Сальвина в то утро хотела посмотреть на остров вблизи, и рыбаки на Нижней набережной брали за перевоз столько, сколько в обычный день брали за неделю. Двое уже ушли туда, набив лодки до бортов любопытными, и вернулись с рассказами, которые обрастали подробностями по пути от причала до первого кабака. Говорили, что на острове растёт трава, которой нет нигде в Ардее. Говорили, что из скалы бьёт солёный ключ, а на песке видны следы босых ног. Говорили, что это кит, который всплыл и уснул, и что скоро он проснётся и утащит под воду всех, кто стоит на его спине.

Тавий слушал вполуха. Он ходил по набережной, спрашивал у одного, у другого и всё больше убеждался, что никуда не поплывёт. Надо было идти в Палату, садиться за стол и делать вид, что ничего не случилось. Если он нарисовал остров и остров появился, то это либо безумие, либо чудо, и в обоих случаях лучше держаться подальше. Он почти убедил себя в этом, когда увидел Нестора.

Старик сидел на перевёрнутой корзине у причала, курил трубку и смотрел на залив.

– Ты что здесь делаешь? – спросил Тавий. – У тебя колени.

– У меня колени с прошлой зимы, – сказал Нестор. – А острова в заливе у меня ещё не было. Ты лодку ищешь?

– Нет.

– Ищешь. Я видел, как ты ходишь. Как пёс, у которого кость отняли. – Нестор выпустил дым. – У Хромого Луки лодка свободна. Он сам не пойдёт, он суеверный, говорит, нечистое место. А лодку даст, если я попрошу. Он мне должен за вывеску.

Тавий хотел отказаться. Вместо этого он сказал:

– Попроси.

Лодка у Хромого Луки была старая, просмолённая до черноты, с латаным парусом и тяжёлыми вёслами. Хромой Лука, сухой мужичок с деревянной ногой, долго ворчал, смотрел на остров из-под ладони, плевал через левое плечо и наконец отдал вёсла с таким видом, будто провожал их на тот свет.

– К западному берегу не суйтесь, – сказал он. – Там камни, я видел, как вода над ними ходит. Причаливайте к песку, на юге.

– Откуда ты знаешь, что на юге песок? – спросил Нестор.

– Глаза есть, – буркнул Лука. – А чего не вижу, того не знаю, и знать не хочу. К закату лодку верните.

Ветер был слабый, с берега, и парус почти не помогал. Тавий грёб. Нестор сидел на корме, держал руль и смотрел то на остров, то на Тавия. Сальвин отступал за спиной: крыши, лестницы, соборная колокольня, на волноломе всё ещё чернела толпа. Впереди рос остров. С каждым гребком он становился больше и чётче, и с каждым гребком у Тавия сильнее сжималось в груди.

– Ты молчишь, – сказал Нестор.

– Гребу.

– Ты молчишь не потому, что гребёшь. Ты с утра молчишь. Я тебя двадцать лет знаю, Мерн. Не двадцать, двенадцать, но всё равно. Ты, когда что-то знаешь и не хочешь говорить, всегда молчишь вот так. Губы поджимаешь. Как моя покойная тёща.

Тавий не ответил. Он смотрел через плечо на остров и считал. Пляж на юге – есть. Ширина – шагов триста, как он и рисовал. Скала на севере, обрывистая, и на краю скалы сосна. Восточный берег изрезан, и где-то там должна быть узкая бухта, в которую войдёт только одна лодка.

– Возьми левее, – сказал он вдруг. – Там, за тем мыском, бухта. Туда войдём.

Нестор посмотрел на него, но руль повернул.

За мыском открылась бухта. Узкая, глубокая, с зелёной водой и каменистым дном, которое было видно сквозь воду, как сквозь стекло. В глубине бухты в море впадал ручей. Лодка вошла в неё, едва не задев бортами скалы, и Тавий, опустив вёсла, почувствовал, как кружится голова.

– Ну, – тихо сказал Нестор. – Ну, Мерн.

Они вытащили лодку на гальку. Нестор вылез, кряхтя, опираясь на руку Тавия, выпрямился и огляделся. Ручей журчал по камням. Над бухтой поднимался склон, поросший жёсткой травой и колючим кустарником. Пахло солью, нагретым камнем и смолой. Где-то наверху кричали чайки.

– Ты здесь был, – сказал Нестор. Это был не вопрос.

– Нет.

– Тогда откуда знал про бухту?

Тавий посмотрел на ручей. Вода в нём была прозрачная, холодная, он это знал, хотя ещё не опустил руку.

– Я её нарисовал, – сказал он.

Нестор долго молчал. Потом сел на камень, достал трубку, начал набивать её табаком и просыпал половину.

– Рассказывай, – сказал он.

И Тавий рассказал. Про вечер в Палате, про привычку рисовать то, чего нет, и сжигать. Про лист, который он не сжёг, потому что внизу грохнула дверь и пришёл сам Нестор с разбитой щекой. Про то, что лист пропал из ящика. Про то, что прошло ровно семь дней. Он рассказывал сбивчиво, заикаясь, и сам слышал, как это звучит. Как бред. Как рассказ человека, который слишком долго просидел над чертежами при плохом свете.

Нестор слушал не перебивая. Когда Тавий замолчал, старик раскурил наконец трубку, затянулся и выпустил дым в сторону моря.

– Пойдём, – сказал он. – Покажешь, что ещё ты нарисовал.

Они поднялись по склону вдоль ручья. Тропы не было, приходилось продираться через кусты, и Нестор дважды садился отдыхать. В середине острова, как Тавий и рисовал, была роща. Невысокие деревья с серой корой и мелкими кожистыми листьями. Тавий не знал, как они называются. Когда он рисовал рощу, он обозначил её условным знаком, кружочками, и не думал, какие там будут деревья. Остров решил за него.

В роще бил родник. Вода выходила из-под камня, собиралась в маленькую чашу, обложенную мхом, и уходила ручьём вниз. Тавий опустился на колени и сунул руку в воду. Вода была ледяная. Он посидел так, глядя на свою руку под водой, на камешки, на мох, и подумал, что можно, наверно, всю жизнь рисовать что угодно, но ни разу не представить себе, как холодна будет вода в нарисованном роднике.

– Чего застыл? – спросил Нестор.

– Пытаюсь проснуться.

– Не выйдет. Я уже пробовал, щипал себя за ногу всю дорогу. Синяк будет.

Тавий вытер руку о штаны и поднялся.

Дальше был Собачий хребет – невысокая каменистая гряда, которая тянулась вдоль острова. С хребта было видно всё: пляж на юге, скалу на севере, залив, город на берегу, мыс Чайки, Рыбью косу, корабли у входа в гавань. Один большой торговый корабль стоял на якоре у самого острова, и на палубе толпились люди: они, видно, едва не налетели на новую землю в утреннем тумане.

– Капитан, наверно, поседел, – сказал Нестор, глядя на корабль. – Шёл себе привычной дорогой, а тут остров.

– Я об этом думал, когда рисовал. – Тавий потёр лицо ладонями. – Что капитаны будут ругаться. Мне это казалось смешным.

– Смешно, – согласился Нестор. – Обхохочешься.

Они пошли по хребту на север, к скале. Здесь было ветрено, трава стелилась по камням, и на каждом шагу из-под ног выпархивали маленькие серые птицы. Нестор шёл медленно, опираясь на палку, которую подобрал в роще. Тавий шёл впереди и смотрел на сосну.

Сосна стояла на самом краю обрыва. Ствол толщиной в два обхвата, кора красная, шелушащаяся. Корни вылезли из земли и цеплялись за камень, как пальцы. Ветви были вытянуты в сторону моря. И посередине ствола, на высоте человеческого роста, шла трещина: длинная, глубокая, затянутая по краям смолой.

Тавий подошёл и положил на трещину ладонь. Смола была тёплой от солнца и липкой.

Он нарисовал эту трещину, потому что ему показалось, что дереву, которое так тянется к морю, должно быть больно.

– Нестор, – сказал он, не оборачиваясь. – Я её такой нарисовал. С трещиной. Я не знаю зачем.

Старик подошёл и встал рядом. Тоже посмотрел на трещину. Потом на море. Потом на Тавия.

– Скажи мне одну вещь, – проговорил он медленно. – Ты раньше так делал? Рисовал, а оно потом появлялось?

Тавий не ответил сразу. Ветер дул с моря, трепал волосы, и где-то внизу о скалу била волна. Он хотел сказать «нет». Это было бы проще. Но он слишком долго держал это в себе, и сегодня всё вылезало наружу, как корни этой сосны из камня.

– Один раз, – сказал он. – Давно. Мне было девять. Я тогда не понял. Я думал... я думал, это совпадение.

– Что ты нарисовал?

– Бухту. У нас на Скалице. Возле нашего дома была скала, и я всё время думал, что было бы, если б там была бухта, чтобы отец мог ставить лодку поближе. Я её нарисовал на доске углём. Через неделю после шторма там... – он запнулся, – там обвалилась скала, и образовалась бухта. Все сказали: шторм. Отец обрадовался. Год её так и звали, Тавиева бухта, смеялись. А потом...

– Что потом?

Тавий отнял руку от сосны и посмотрел на ладонь. Ладонь была в смоле.

– Потом ничего, – сказал он. – Я перестал рисовать то, что можно увидеть. Только выдуманное. И всё сжигал.

Нестор долго смотрел на него, потом кивнул и отвернулся. Он знал, когда не надо спрашивать дальше. За это Тавий его и любил.

Они спустились к пляжу другим путём, по западному склону, хотя Хромой Лука советовал туда не соваться. Западный берег был каменистый, изрезанный, с мелями и отмелями, на которых гнездились чайки. Птицы поднялись в воздух, кричали, пикировали на людей. Нестор отмахивался палкой и ругался так, что Тавий, несмотря ни на что, смеялся.

На одной из отмелей, у самой воды, лежало что-то тёмное. Тавий сначала принял это за камень, потом подошёл ближе.

Это был обломок лодки. Нос старой рыбачьей лодки, почерневший от воды, с остатками смолы на досках. Доски были скреплены медными гвоздями, позеленевшими от времени. На носу кто-то когда-то вырезал знак: морской гребешок, раковину с ребристыми створками. Резьба была грубая, но старательная. Так вырезают знаки на своих лодках рыбаки маленьких хуторов, где лодка – это и семья, и имя, и всё имущество.

– Это не твоё, – сказал Нестор, останавливаясь рядом. – Ты лодок не рисовал.

– Не рисовал.

– Тогда откуда она здесь? Волной принесло?

– За одну ночь?

Нестор пожал плечами. Тавий присел, провёл пальцем по резному гребешку. Дерево было влажное, холодное. Рядом с обломком в песке что-то блеснуло. Он разгрёб песок и вытащил маленький медный колокольчик, такие вешают козам на шею. Колокольчик был без язычка.

– Странный у тебя остров, – сказал Нестор.

Тавий положил колокольчик в карман и сам не понял, зачем.

К лодке они вернулись после полудня. Обратно грёб Нестор, хотя Тавий спорил: старик сказал, что ему надо подумать, а думается ему лучше всего, когда руки заняты. Грёб он медленно, ровно, и молчал почти до самой гавани.

– Ты понимаешь, что будет, если узнают? – спросил он наконец.

– Понимаю.

– Нет, не понимаешь. Ты сидишь в своей Палате, рисуешь берега и думаешь, что мир состоит из промеров и масштабов. А мир состоит из людей, которые хотят земли. Всегда. Всем им её не хватает. Нашему князю не хватает, Совету Домов не хватает, Каарана вон на нас облизывается двести лет. Монастырь твой с отмелью. Ты понимаешь, что ты для них такое?

– Я не...

– Ты курица, которая несёт золотые яйца. Только яйца у тебя не золотые, а земляные. А земля дороже золота. И курицу, которая несёт такие яйца, сажают в клетку. В хорошую клетку, может, даже в золотую, но в клетку. – Нестор налёг на вёсла. – Кто ещё знает?

– Никто. Ты.

– А лист? Ты говоришь, лист пропал.

Тавий промолчал. Он думал о Сверчке, о том, как мальчишка покраснел и смотрел в пол.

– Найди лист, – сказал Нестор. – Сожги его. И больше никогда, слышишь, никогда ничего не рисуй, чего нет. Даже на песке.

В Палату Тавий пришёл ближе к вечеру. Он надеялся проскользнуть незаметно, сесть за свой стол и до темноты делать вид, что работает. Но уже в прихожей понял, что незаметно не получится.

У дверей стоял привратник, бледный, с прямой спиной, как солдат на смотру. В коридоре было непривычно тихо. Наверху, на лестнице, Тавий увидел братьев Окунь: оба стояли у перил, свесившись вниз, и смотрели на него с таким выражением, будто он пришёл на собственные похороны.

– Мерн, – сказал старший шёпотом. – Тебя ищут.

– Кто?

– Поднимись.

В чертёжной, у его стола, стоял человек. Невысокий, плотный, в тёмном кафтане без гербов и без шитья, с короткой седеющей бородой. Ему было лет сорок пять. Он стоял спокойно, сцепив руки за спиной, и смотрел на береговую съёмку, разложенную на столе. Рядом с ним стоял Кассиан, и лицо у Кассиана было такое, какого Тавий у него никогда не видел: застывшее, гладкое, как вода в безветрие.

– Вот и он, – сказал Кассиан. – Мерн, это мастер Дамиан Ферро. Из дворца.

Тавий знал это имя. В Сальвине его знали все, хотя мало кто видел этого человека в лицо. Начальник Тихой службы князя. Люди, которые служили под его началом, не носили гербов, не ходили строем и не стучали в двери. Они просто появлялись. Говорили, что Ферро знает, о чём шепчутся в каждой таверне Сальвина, сколько должен каждый член Совета Домов и кто из кааранских купцов на самом деле не купец. Говорили много чего. Тавий никогда не думал, что этот человек однажды будет стоять у его стола.

– Мастер Мерн, – сказал Ферро. Голос у него был негромкий, ровный, без выражения. – Хорошая работа. Береговая линия очень точная. Мыс Чайки, Рыбья коса. – Он показал пальцем на лист, тоже не касаясь бумаги. – Вы ведь знаете залив лучше всех в Палате?

– Я делал съёмку залива три года назад, – сказал Тавий. Голос не дрогнул, и он сам удивился.

– Да. Мастер Дорн сказал. – Ферро повернулся к нему. Глаза у него были серые, спокойные, с тяжёлыми веками. – Вы видели сегодня новый остров?

– Его весь город видел.

– Вы там были?

Тавий почувствовал, как у него холодеет спина. Хромой Лука. Рыбаки на причале. Половина набережной видела, как они с Нестором выходят в залив.

– Был, – сказал он. – Я картограф. Мне было любопытно.

– Конечно, – кивнул Ферро. – Любопытство – хорошее качество для картографа. Что вы там нашли?

– Скалу. Сосну. Родник. Рощу. Пляж.

– Бухту на восточном берегу?

– И бухту.

– Узкую. Такую, что в неё входит только одна лодка.

Тавий молчал. Ферро смотрел на него спокойно и терпеливо, как смотрят на рыбу, которая уже на крючке, но ещё не поняла этого.

– Мастер Ферро, – сказал Кассиан. – Если у вас есть вопросы к Палате, задавайте их мне. Мерн – картограф, он делает то, что ему поручают.

– Вопросов к Палате у меня нет, мастер Дорн. – Ферро не отвёл глаз от Тавия. – Остров появился. Князь хочет знать, откуда. Учёные из Коллегии говорят про подводные огни и подъём дна. Монахи – про чудо святого Межника. Я человек простой. Я не верю ни в подводные огни, ни в чудеса. Я верю в то, что всё, что происходит, кто-то сделал.

Он отступил на шаг, слегка поклонился Кассиану и пошёл к двери. На пороге обернулся.

– Береговая линия очень точная, мастер Мерн, – повторил он. – Мне нравится, как вы рисуете деревья. С душой.

Дверь за ним закрылась. На лестнице затихли шаги. Братья Окунь не шевелились у перил. Сверчка нигде не было видно.

Кассиан стоял у стола, глядя на закрытую дверь, и молчал. Потом медленно повернулся к Тавию.

– Ты не хочешь мне ничего рассказать? – спросил он тихо.

Тавий открыл рот и закрыл его. Он вспомнил слова Нестора про курицу и клетку. Посмотрел на учителя, на его длинное лицо, на светлые глаза, на перстень с тёмным камнем.

– Нет, мастер, – сказал он. – Нечего.

Кассиан кивнул, как будто ничего другого и не ждал, и вышел. А Тавий сел за стол, положил перед собой руки, всё ещё липкие от смолы, и смотрел на них, пока не стемнело.

Глава 3. Детская тетрадь

Каморка под крышей у вдовы-зеленщицы была такой низкой, что Тавий не мог выпрямиться в полный рост нигде, кроме середины, под коньком. Там он и стоял, когда вернулся из Палаты: посреди комнаты, с пригнутой головой, и смотрел на сундук.

Сундук был старый, рыбачий, обитый медными полосами, с вырезанной на крышке розой ветров. Розу вырезал отец, когда Тавий уезжал в Сальвин. Северный луч у неё был ровный. Отец не знал про сломанный луч, а Тавий не стал ему говорить. В сундуке лежали зимние вещи, две пары сапог, книги по межеванию, которые он покупал на последние деньги в первые годы учения, письма от матери и Луции, перевязанные бечёвкой. А на самом дне, под всем этим, лежала тетрадь.

Он не открывал её лет десять. Он вообще не помнил, зачем взял её с собой, когда уезжал. Мать сунула в узелок, наверно, вместе с пирогами и тёплыми носками. Он нашёл её уже в Сальвине, удивился и спрятал на дно. С тех пор она так и лежала.

Тавий вытащил вещи на пол, одну за другой, и достал тетрадь.

Это была обычная приходская тетрадь, из тех, что раздают детям на острове, когда учат их грамоте. Серая бумага, кожаный переплёт, грубая нитка. Первые страницы были исписаны буквами: кривыми, большими, наползающими друг на друга. Аз, буки, веди. Потом слова. Потом короткие фразы, которые диктовал отец Онисим, приходской священник, старый и подслеповатый: «Море велико, а Бог больше моря». «Не бери чужого, ибо оно тяжело». Тавий помнил, как ненавидел эти фразы. Он хотел рисовать, а не писать.

На последних страницах были рисунки.

Острова. Много островов. Детские, неумелые, с волнистыми берегами и деревьями, похожими на метёлки. Острова с замками, острова с драконами, остров в форме рыбы, остров, где живут одни коты. Тавий листал их и улыбался против воли. Он помнил некоторые: вот этот, с горой посередине, он рисовал целую неделю, когда болел корью. Вот этот, с домиком на сваях, придумала Луция, она тогда только родилась, и он сказал матери, что это остров для сестры.

На предпоследней странице была Скалица.

Не выдуманная, а настоящая, насколько девятилетний мальчишка мог нарисовать настоящее. Остров, на котором он вырос. Длинный, гористый, с одной деревней на южном склоне и десятком хуторов, разбросанных по берегу. Деревня обозначена кружками и квадратиками. Церковь – крестом. Пристань – палочками в воде. Дом Мернов – отдельный квадратик на краю, у самой воды, с дымом из трубы, нарисованным спиралькой.

Рядом с домом – скала. Он её закрасил углём, густо, так что бумага в этом месте лоснилась. А в скале, прямо под домом, – бухта. Аккуратная, полукруглая, с маленькой лодкой внутри. Лодка была нарисована с особой тщательностью: мачта, парус, весло. Отцовская лодка. Под бухтой корявыми буквами было подписано: «Тут будит бухта». С ошибкой. Отец Онисим, наверно, был бы недоволен.

А на противоположном краю острова, на мысу, который они называли Козьим, был нарисован ещё один квадратик. Маленький. Рядом с ним – три кривые козы, похожие на собак с рогами. И подпись: «Маруха».

Тавий сидел на полу, держал тетрадь на коленях и смотрел на эту подпись.

Он не вспоминал про Маруху двадцать лет. Он заставил себя не вспоминать.

Маруха жила одна на Козьем мысу. Сколько ей было лет, никто не знал: может, шестьдесят, может, сто. Маленькая, сгорбленная, с тёмным сморщенным лицом и белыми, как у ребёнка, зубами. У неё был домик из плитняка, крытый дёрном, и козы. Шесть или семь коз. С колокольчиками. Колокольчики звенели на весь мыс, и, когда ветер дул с той стороны, их было слышно даже в деревне. Маруха продавала сыр и шерсть, лечила травами коров и детей, пред-

сказывала погоду, и её немного боялись. На воскресные службы она не ходила. Отец Онисим говорил, что она язычница, а мать говорила, что она добрая.

Тавий носил ей рыбу. Отец отправлял его раз в неделю, по субботам, с корзинкой. Дорога шла вдоль берега, через весь остров, и он шёл полдня в одну сторону и полдня обратно. Маруха поила его козьим молоком, кормила сыром с мёдом и рассказывала истории. Про морского змея, который спит на дне залива. Про утопленников, которые выходят на берег в Купальскую ночь. Про то, что земля помнит всё, что на ней было, и, если забыть место, оно обидится и уйдёт. Последнюю историю он тогда не понял и пропустил мимо ушей.

Он нарисовал бухту весной. Через неделю, на седьмое утро, был шторм. Не самый сильный, бывали и сильнее, но в ту ночь грохотало так, что отец не спал, ходил по дому и курил. Под утро что-то громыхнуло возле дома, как будто ударил гром прямо в скалу. Утром они вышли и увидели: скала обвалилась, и под домом открылась бухта. Полукруглая. Глубокая. Ровно такая, как в тетради.

Отец радовался, как ребёнок. Ставил лодку в бухту, хвастался соседям. Тавий молчал. Ему было страшно, и он не понимал почему. В субботу он, как обычно, взял корзинку с рыбой и пошёл на Козий мыс.

Колокольчиков не было слышно.

Он шёл вдоль берега и прислушивался. Ветер дул с мыса, ровный, весенний, и раньше в такой ветер колокольчики звенели всегда. Он шёл всё быстрее, потом побежал. Корзинка била по ногам, рыба вывалилась на песок, он не стал подбирать. Он выбежал на мыс и остановился.

Мыса не было.

Точнее, мыс был, но не такой. Короче. Ниже. Там, где раньше стоял домик Марухи, обрывался в море голый камень, отполированный водой, будто здесь всегда был обрыв. Ни домика, ни загона для коз, ни огорода. Ни тропинки. Только ветер, чайки и вода, которая билась о камни внизу.

Он стоял там до вечера. Потом пошёл домой и рассказал отцу.

– Какая Маруха? – спросил отец.

Тавий не понял.

– Маруха. С козами. Я ей рыбу ношу. Каждую субботу.

Отец посмотрел на него внимательно, потом на мать, потом опять на него.

– Ты по субботам на берегу шатаешься, – сказал он. – Я думал, ты ракушки собираешь. Какую рыбу? Мы рыбу соседям не носим, сами продаём.

Мать тоже не помнила. Отец Онисим не помнил. В деревне никто не помнил. Тавий ходил от дома к дому, спрашивал, плакал, кричал. Над ним смеялись, потом перестали смеяться и начали его жалеть. Мать водила его к отцу Онисиму, и тот читал над ним молитвы от наваждения. Через месяц Тавий замолчал. Он понял, что, если будет говорить про Маруху, его будут считать дурачком, а отец будет хмуриться и не брать его в море. И он перестал говорить.

Он только перестал рисовать то, что существует. Только выдуманное, только то, чего нет и не может быть. И всё сжигал. Сначала из страха. Потом по привычке. Потом он почти забыл, почему так делает. Убедил себя, что Маруха ему приснилась. Что он выдумал её, как выдумывал острова. Дети всё время что-нибудь выдумывают. Мать была права, отец был прав, отец Онисим был прав.

Тавий закрыл тетрадь и сунул руку в карман. Там лежал медный колокольчик без язычка, найденный утром на острове. Он вытащил его, повертел в пальцах. Колокольчик был маленький, тёплый от тела. На боку было выбито клеймо: тот же морской гребешок, что на обломке лодки.

Не Маруха, подумал он. Это не её колокольчик. У неё были другие, железные, с синими лентами. Это кто-то другой.

Это кто-то другой, повторил он про себя, и ему стало так страшно, как не было даже утром на волноломе.

Он сидел так долго. Свеча догорала. Снизу, из кухни, пахло луком: зеленщица готовила ужин. На улице кричал пьяный, потом кто-то ругался, потом всё стихло. Тавий думал о том, что остров в заливе не взялся из ничего. Земля не берётся из ничего. Двадцать лет назад, чтобы появилась бухта под отцовским домом, ушёл Козий мыс вместе с Марухой. А сегодня, чтобы появился остров в заливе, ушло что-то ещё. Чей-то хутор. Чья-то лодка с гребешком на носу. Чьи-то козы с медными колокольчиками.

Он не знал, где это было. Не знал, сколько там жило людей. Не знал даже, жили ли там люди вообще. Может, это был брошенный хутор, давно пустой. Может, лодку и колокольчик просто принесло волной, а он, как и в детстве, выдумывает себе страхи.

Он поднялся, достал из сундука чистый лист и сел к столу. Обмакнул перо в чернильницу. Рука висела над бумагой. Ему хотелось нарисовать что-нибудь – что угодно, лишь бы стало тихо внутри. Остров. Бухту. Сосну на скале.

Он положил перо и отодвинул лист.

– Нет, – сказал он вслух. – Нет.

Кто-то постучал в дверь.

Тавий вздрогнул так, что опрокинул чернильницу. Чернила растеклись по столу, закапали на пол. Он схватил тряпку, начал вытирать, руки тряслись.

– Мерн, – раздался за дверью знакомый голос. – Это я. Открой.

Это был Кассиан.

Учитель ни разу не приходил к нему домой. Тавий даже не был уверен, что Кассиан знает, где он живёт. Он стоял с тряпкой в руке, с чёрными от чернил пальцами, и не мог сообразить, что делать.

– Мерн. Я знаю, что ты там. У тебя свет в окне.

Тавий сунул тетрадь под подушку, вытер руки о штаны и открыл.

Кассиан стоял на узкой площадке, пригнувшись под низким потолком. В руке у него был фонарь и маленький глиняный кувшин, заткнутый пробкой. Он был без кафтана, в простой тёмной куртке, и выглядел от этого старше и меньше, чем в Палате.

– Можно войти?

– Т-тут тесно, мастер.

– Я заметил. – Кассиан улыбнулся. – Я ненадолго.

Он вошёл, поставил фонарь на стол рядом с чернильной лужей, огляделся. Взгляд его скользнул по сундуку, по вещам на полу, по смятой постели, по пустому листу бумаги. Задержался на чернилах. Тавий видел, как учитель отметил всё это, разложил по полочкам и запомнил.

– Садись, – сказал Кассиан, как будто это была его каморка, а не Тавия. – Я принёс вина. С Солье, хорошее. Мне его присылает один старый должник.

Он сел на сундук, Тавий на кровать. Кассиан разлил вино в две глиняные кружки, которые нашёл на полке, и протянул одну Тавию. Вино было тёмное, густое, пахло сливой и дымом. Тавий отпил и почувствовал, как тепло растекается по груди.

– Ферро приходил не просто так, – сказал Кассиан. – Ты понимаешь?

– Понимаю.

– Он не говорит пустого. И не приходит туда, где ничего не надеется найти. Он уже знает что-то. Или думает, что знает.

Тавий молчал.

– Я не спрашиваю, что ты делал на острове, – продолжал Кассиан мягко. – Я не спрашиваю, откуда ты знал про бухту на восточном берегу. Я видел твоё лицо утром на волноломе,

Мерн. Я тоже там был. Ты смотрел на сосну так, как смотрит отец на сына, которого не видел десять лет.

– Я...

– Не надо. – Кассиан поднял руку. – Ничего не говори. Я пришёл не за этим. Я пришёл сказать тебе одну вещь. Есть вещи, о которых не пишут в книгах Палаты. Ни в уставе, ни в наставлениях, ни в летописях. Их передают из уст в уста, от учителя к ученику, и только тем, кому надо их знать. Если тебе когда-нибудь понадобится узнать такие вещи, приходи ко мне. Не к Ферро. Не в Коллегию. Не к монахам. Ко мне.

Тавий смотрел на него поверх кружки. Свет фонаря падал на лицо учителя снизу, и оно казалось вырезанным из старого дерева. Глаза блестели.

– Мастер, – сказал Тавий медленно, – а если я скажу, что ничего не знаю?

– Тогда я поверю, – ответил Кассиан. – И уйду. И мы больше не будем об этом говорить.

Он допил вино, поставил кружку на стол и поднялся. На пороге остановился, обернулся, как Ферро днём.

– Знаешь, что я понял за сорок лет в Палате? – сказал он. – Карта никогда не врёт. Врут те, кто её рисует. И те, кто читает. А карта говорит только то, что на ней есть.

Он ушёл. Тавий слышал, как он спускается по скрипучей лестнице, как говорит что-то зеленщице внизу, как хлопает входная дверь.

Он сидел на кровати, держа в руке пустую кружку, и думал о том, что за весь вечер так и не сказал учителю правду. И что учитель знал это. И что учитель пришёл к нему ночью, с вином, по скрипучей лестнице, именно потому, что знал.

Он достал из-под подушки тетрадь и открыл её на последней странице. Маруха. Три кривые козы. Он смотрел на них, пока свеча не погасла.

Утром он пошёл на Сухие Ступени искать Сверчка.

Сухие Ступени начинались за Рыбным рынком и спускались к воде уступами, как лестница для великанов. На каждом уступе теснились домишки, сколоченные из того, что удалось найти: из старых досок, корабельных обломков, камней с разрушенных стен. Улиц здесь не было, были проходы между домами, такие узкие, что двоим не разойтись. Пахло рыбой, гнилью и дымом. Кругом бегали дети, босые, грязные, шумные.

Мать Сверчка была прачкой. Её дом Тавий нашёл не сразу: пришлось спрашивать трижды, и каждый раз ему показывали в разные стороны. Наконец какая-то девочка лет шести взяла его за палец и отвела к низкой двери на четвёртом уступе.

Сверчок сидел на пороге и чистил рыбу. Увидев Тавия, он побледнел, вскочил, уронил нож.

– Мастер Мерн...

– Сядь, – сказал Тавий. – Я не ругаться пришёл.

Мальчишка сел. Тавий опустился рядом на корточки, чтобы их глаза были на одном уровне.

– Лист с островом, – сказал он. – Ты не сжёг его в печке.

Сверчок смотрел на свои руки, облепленные рыбьей чешуёй.

– Не сжёг, – прошептал он наконец.

– Куда ты его дел?

– Продал. – Мальчишка всхлипнул. – Простите, мастер. Мамка болела, денег не было, за угол платить нечем, нас бы выгнали. А он серебро давал.

– Кто – он?

– Человек. Не знаю, как его звать. Он ко мне подошёл месяц назад, на рынке. Говорит, ты в Палате служишь? Я говорю, служу. Он говорит, у мастера Мерна в ящике бывают рисунки, которые он потом жжёт. Если раздобудешь хоть один, дам серебряную марку. Я подумал, ну

что такого, вы их всё равно жжёте. Я долго не мог, вы всегда сжигали. А тут вы ушли, а лист остался.

– Как он выглядел?

– Обыкновенно. – Сверчок вытер нос рукавом. – В плаще. С капюшоном. Голос тихий. Руки... – он запнулся. – Руки у него были в чернилах, мастер. Как у вас. Как у всех в Палате.

– Где ты ему отдал лист?

– У Солёных ворот. В пятницу вечером. Он сказал, приходи туда, если будет. Я пришёл, он уже ждал. Взял лист, посмотрел при фонаре, долго смотрел. Потом засмеялся. Тихо так. И дал мне марку. И ещё одну сверху, чтобы я молчал.

– А ты не молчишь.

– Вы же не он, – сказал Сверчок просто. – Вы мастер Мерн.

Тавий выпрямился. Колени затекли, в спине стрельнуло. Из-за двери послышался кашель, долгий, надрывный, и слабый женский голос позвал Тимку. Сверчок дёрнулся.

– Иди, – сказал Тавий. Он вынул из кошеля две серебряные марки, всё, что было до конца месяца, и положил мальчишке на ладонь, прямо на рыбью чешую. – Купи матери лекарство у аптекаря на Медной. Скажешь, от меня. И если этот человек ещё раз к тебе подойдёт, ничего ему не носи. Приходи ко мне.

Сверчок смотрел на монеты, потом на Тавия. Губы у него дрожали.

– Мастер, а вы мне голову не оторвёте? Потом, в Палате?

– Не оторву. Иди.

Мальчишка скрылся за дверью. Тавий постоял ещё немного, слушая кашель и тихий голос Сверчка, потом пошёл наверх.

На третьем уступе, на глухой стене старого склада, кто-то написал мелом крупные ровные буквы. Писал человек грамотный, без ошибок, твёрдой рукой. Тавий остановился и прочитал:

«Что не записано, того нет. Пусть старое забудется».

Под надписью был нарисован чистый белый прямоугольник. Лист бумаги, на котором ничего нет.

Двое мальчишек кидали в стену камешки, целясь в этот прямоугольник. Мимо прошла женщина с корзиной, посмотрела на надпись, плюнула и пошла дальше. Тавий стоял и смотрел, пока у него не заслезились глаза от солнца, отражённого белёной стеной. Потом повернулся и пошёл вверх, к Межевому холму, туда, где в чертёжной ждала береговая съёмка и где, может быть, за одним из столов сидел человек с руками в чернилах, который месяц назад подошёл к мальчишке на рынке.

Глава 4. Князь на скале

Князь Ансельм Ардейский высадился на новом острове через три дня после его появления, в полдень, при ясном небе и попутном ветре. Всё это было устроено заранее, как устраивалось всегда, когда князь выходил к народу. Глашатаи с утра кричали на площадях, что государь лично осмотрит чудесную землю. На волноломе выставили стражу в парадных кирасах. Княжеская галера, выкрашенная в синее с золотом, с двадцатью вёслами по каждому борту и с вышитым на парусе серебряным журавлём, вышла из Торговой гавани под звуки труб. За ней шли ещё шесть судов поменьше: с придворными, с членами Совета Домов, с епископом и его клиром, с учёными мужами из Коллегии и с людьми из Межевой палаты.

Тавий был на последнем судне, на старой палатской барке, которую обычно использовали для промеров. Кассиан взял его с собой, и Тавий не смог отказаться. «Князь хочет, чтобы Палата сняла остров, – сказал учитель утром, – и составила грамоту. Кто снимет лучше тебя?» Тавий понимал, что дело не в этом. Но спорить не стал.

С ними были братья Окунь, Мариан Лесс со своими тетрадями и два носильщика с треногами, мерными цепями и ящиком инструментов. Братья Окунь всю дорогу спорили, можно ли вообще наносить на карту землю, которая неизвестно откуда взялась и, может быть, завтра так же уйдёт. Старший говорил, что карта – это правда о сегодняшнем дне, а завтра будет другая карта. Младший – что карта должна быть вечной, иначе какой от неё прок. Кассиан слушал их, улыбаясь, и молчал.

Тавий смотрел на остров.

Издали он казался другим. Не таким, каким был три дня назад, когда они с Нестором бродили по нему одни. Тогда это была его земля: тихая, пустая, с холодным родником и кривой сосной. Теперь к южному пляжу один за другим подходили корабли, на песке стояли шатры, развевались флаги, суетились слуги. Кто-то уже поставил на пляже помост, обтянутый синим сукном. Кто-то вбил колья и натянул верёвки, отгораживая место для знати от места для всех остальных. Остров перестал быть его. Он стал островом князя.

Княжеская галера причалила первой. Сходни опустились на песок, на сходнях постелили ковёр. Трубы заиграли снова. Первыми сошли стражники, за ними – несколько придворных в ярких камзолах. А потом сошёл князь.

Тавий видел его раньше: на праздниках, на похоронах старого князя, на освящении нового моста. Всегда издали. Высокий, светловолосый, широкоплечий, в синем с серебром. На этот раз он был ближе, и Тавий мог разглядеть лицо. Лицо было красивое, с крупными чертами, с прямым носом и тяжёлым подбородком. Но красоту портили глаза: беспокойные, быстрые, которые ни на чём не задерживались дольше мгновения. Князь улыбался. Он улыбался толпе на берегу, придворным, епископу, всему миру. Улыбка была широкая, щедрая и совершенно пустая.

За ним сошла женщина. Невысокая, тёмноволосая, в простом сером платье без украшений, только с серебряной цепочкой на шее. Она сошла по сходням сама, отказавшись от руки, которую ей протянул придворный, и встала чуть позади князя, сложив руки на поясе. Она не улыбалась. Она смотрела на остров так же, как Тавий: внимательно, медленно, словно читала карту.

– Княжна Гелена, – тихо сказал Кассиан, проследив его взгляд. – Сестра государя. Ведёт его переписку. Говорят, все указы, которые не выглядят глупо, написала она.

– А которые выглядят?

– Те он писал сам.

Тавий посмотрел на учителя. Кассиан сказал это совершенно серьёзно, но глаза у него смеялись.

За княжной сошли члены Совета Домов. Их было пятеро, и Тавий знал их всех по именам, потому что их земли составляли большую часть того, что Межевая палата рисовала и переписывала год за годом. Герцог Лотар Ратен, грузный седой старик с тяжёлым взглядом и тростью с серебряным набалдашником. Ему принадлежали северные долины от Серых Зубцов до реки Ольшаны, и говорили, что он богаче князя. Граф Эдгар Солье, тонкий, нарядный, надушенный, хозяин виноградников и порта, через который шла торговля с Кааряной. За ними ещё трое, старые, усталые, похожие друг на друга, как три пыльные книги на одной полке.

Последним сошёл Ферро. Он был в том же тёмном кафтане без гербов и ни на кого не смотрел. Он прошёл по песку, встал у края помоста и сцепил руки за спиной. Его никто не заметил, кроме Тавия. Тавий почувствовал, как по спине пробежал холод.

Церемония была долгой. Епископ отслужил молебен на берегу, окропил песок святой водой, благословил остров и княжеский дом. Учёные мужи из Коллегии, трое в чёрных мантиях, прочли по очереди длинные речи о том, что остров поднялся со дна силой подземного огня. Один при этом то и дело косился на епископа, который хмурился. Граф Солье громко сказал, что подземный огонь не растит сосен за одну ночь, и половина знати засмеялась. Князь тоже засмеялся. Гелена нет.

Потом говорил князь.

Он поднялся на помост, встал лицом к толпе, поднял руки. Голос у него был сильный, звучный, привыкший к площадям.

– Ардейцы! – сказал он. – Двести лет наша земля стоит между морем и горами. Двести лет мы не можем ни на шаг расширить её, потому что на севере горы, на востоке Каарана, а на западе и юге море. Двести лет наши соседи смотрят на нас, как на маленькую страну, которую можно купить или задавить. Двести лет наши сыновья уходят на чужбину, потому что дома им не хватает земли.

Толпа слушала. На берегу, за верёвками, стояли сотни людей, приплывших на лодках из города. Они слушали, затаив дыхание.

– И вот Господь, – князь кивнул епископу, – Господь дал нам знак. Он поднял из моря новую землю. Прямо у порога нашей столицы. Без войны, без крови, без золота. Просто так. В дар.

Он сделал паузу.

– Я называю эту землю Даром Ардеи! И я говорю вам: это только начало. Это знак того, что время Ардеи пришло. Мы будем расти. Мы будем богатеть. Мы будем сильны. Господь дал нам первый дар, и я верю, что он даст и второй, и третий!

Толпа заревела. Люди кричали, махали руками, бросали в воздух шапки. Кто-то затянул гимн, его подхватили. Знать на помосте сдержанно хлопала. Герцог Ратен не хлопал. Он стоял, опершись на трость, и смотрел на князя исподлобья тяжёлым взглядом, как смотрят на расточительного сына, который проигрывает наследство.

Гелена тоже не хлопала. Она смотрела не на брата, а на остров: на скалу, на сосну, на хребет. Потом вдруг повернула голову и посмотрела прямо на палатскую барку. На Тавия. Он почувствовал этот взгляд, как прикосновение, и опустил глаза.

После речи началось гуляние. На пляже расставили столы, слуги понесли вино и закуски. Музыканты заиграли. Знать разбрелась по острову: одни пошли к роднику, другие полезли на хребет смотреть на город. Палатские наконец получили позволение начать работу.

Кассиан распределил участки. Братья Окунь взяли южную часть с пляжем. Мариан Лесс сел на камень записывать то, что ему будут диктовать. Тавию достался север.

– Скала и сосна, – сказал Кассиан, не глядя на него. – Там самый сложный рельеф. Ты справишься лучше всех.

Тавий взял треногу, мерную цепь и тетрадь и пошёл на север.

Он шёл по хребту той же дорогой, что три дня назад с Нестором. Но тогда здесь никого не было, а теперь на каждом шагу ему попадались люди. Придворные дамы в лёгких платьях, ахающие на чаек. Молодые офицеры, кидающие камни в море. Слуги с корзинами. Двое монахов, которые на коленях молились у родника. Тавий обходил их стороной.

На скале было пусто. Ветер здесь дул сильнее, и наряженные придворные сюда не дошли. Тавий поставил треногу, установил визир, начал мерить. Работа успокаивала. Угол, расстояние, высота. Он диктовал себе вслух и записывал. Обрыв – сорок восемь локтей. Ширина площадки у сосны – двенадцать шагов. Склон на восток – крутизна три к одному. Он работал и не думал ни о чём. Это было почти хорошо.

Он закончил с северной оконечностью и подошёл к сосне, чтобы снять её положение. Положил руку на ствол, на трещину.

– Хорошее дерево, – сказал кто-то у него за спиной. – С душой.

Тавий обернулся. Ферро стоял в трёх шагах от него, на краю площадки, держа руки за спиной. Он подошёл совершенно бесшумно, и Тавий не слышал ни шагов, ни шороха.

– Мастер Ферро.

– Мастер Мерн. – Ферро подошёл ближе, встал рядом и тоже посмотрел на трещину. – Знаете, что меня всегда удивляло в деревьях? Каждое растёт так, как ему велит ветер. Вот это, например. Ветер здесь с моря. Значит, сосна должна была бы клониться к суше. Так растут все сосны на нашем берегу. Посмотрите на мыс Чайки, там их полсотни, и все клонятся от воды. А эта тянется к морю. Против ветра.

Тавий молчал. Он не подумал об этом, когда рисовал. Он нарисовал сосну так, как ему захотелось.

– Как будто, – продолжал Ферро спокойно, – как будто её не ветер растил, а человек. Человек, который мало бывал на скалах. Или который хотел, чтобы дерево смотрело в море.

Он вынул руку из-за спины. В руке был сложенный вчетверо лист бумаги. Плохой бумаги, из обрезков, с неровными краями. Ферро развернул его медленно, аккуратно, держа за уголки, и повернул к Тавию.

На листе был остров. Береговая линия, вытянутая с юга на север. Песчаный пляж. Роща, родник, ручей. Узкая бухта на востоке. Скала на севере, и на скале – сосна с трещиной в стволе. Глубины мелкими цифрами. Собачий хребет, Кривая сосна, Тихая бухта. И в нижнем углу – роза ветров со сломанным северным лучом.

Тавий смотрел на лист. Ветер трепал края бумаги в пальцах Ферро, и казалось, что остров на листе дышит.

– Вы ставите этот знак на всех своих работах, – сказал Ферро. – Я посмотрел в Палате. Сорок три карты за последние двенадцать лет. Везде роза со сломанным лучом. Это ваша подпись, мастер Мерн. Как у купца печать. Как у князя журавль.

Он аккуратно сложил лист и убрал его за пазуху.

– Я не знаю, как вы это сделали, – сказал он. – Я не знаю, что вы такое: колдун, святой, безумец или орудие в чьих-то руках. И честно сказать, меня это не очень волнует. Меня волнует другое. Этот лист мне принесли пять дней назад. Принесли люди, которых я не знаю, и попросили передать князю. За два дня до того, как остров появился. Понимаете? Кто-то знал. Кто-то знал раньше меня. А я не люблю, когда кто-то в Сальвине знает что-то раньше меня.

– Я не знаю, кто это был, – сказал Тавий. Голос у него сел, и пришлось откашляться. – Я не продавал лист. Его у меня украли.

– Я верю, – кивнул Ферро. – Вы не похожи на человека, который продаёт. Вы похожи на человека, у которого крадут.

Он посмотрел на море. Внизу, у подножия скалы, волны разбивались о камни, и белая пена оседала на них, как кружево.

– Князь прочёл ваш лист, – сказал он. – Князь видел остров. Князь не дурак, мастер Мерн, что бы о нём ни говорили в тавернах. Он умеет складывать два и два. Завтра в полдень вас ждут во дворце. Приходите сами. Мне не хотелось бы посылать за вами людей. Это всегда так некрасиво выглядит.

– А если я не приду?

– Придёте, – сказал Ферро. – Вы же любите Палату. Вы любите вашего учителя. Вы любите старика-гравёра на Медной улице и мальчишку с Сухих Ступеней. И сестру на Скалице, которая плетёт сети на продажу и копит на собственную лодку. – Он помолчал. – Я много о вас знаю, мастер Мерн. Я всегда много знаю. Это моя работа.

Он повернулся и пошёл прочь, вниз по хребту, к пляжу, где играла музыка и смеялись люди. Тавий стоял у сосны, держась за ствол, и смотрел ему в спину.

Работу он закончил к закату. Руки делали её сами, без участия головы. Угол, расстояние, высота. Мариан Лесс записывал, ни о чём не спрашивая. Братья Окунь вернулись с юга довольные, с полной тетрадью промеров. Кассиан ходил между ними, проверял, кивал.

Когда они грузились на барку, Тавий увидел на пляже Гелену. Княжна стояла у самой воды одна, без свиты, и смотрела на закат. Волна набегала ей на башмаки, она не отступала. Тавий прошёл мимо с треногой на плече, и она вдруг повернулась.

– Вы картограф, – сказала она. Это был не вопрос.

– Да, ваша светлость.

– Вы снимали северную скалу.

– Да.

– Скажите мне, мастер картограф, – Гелена смотрела на него в упор тёмными, очень спокойными глазами, – если бы вам нужно было нарисовать остров, которого нет, вы бы нарисовали на нём сосну, клонящуюся к морю?

Тавий не ответил. Ему показалось, что земля под ногами качнулась, как палуба.

– Можете не отвечать, – сказала Гелена. – Я сама рисую. Плохо, но рисую. Я бы нарисовала. Мне всегда казалось, что деревья на скалах должны смотреть в море. Им же там больше нечего делать.

Она улыбнулась, впервые за весь день, короткой, усталой улыбкой, и ушла к галере.

На барке Кассиан сидел на корме, закутавшись в плащ, и смотрел на уходящий остров. Тавий сел рядом. Долго молчали. Вёсла скрипели в уключинах. Вода плескала о борт.

– Ферро говорил с тобой у сосны, – сказал наконец Кассиан.

– Говорил.

– Тебя ждут во дворце.

Тавий повернулся к нему. Кассиан смотрел на остров, и лицо его было неподвижно.

– Откуда вы знаете?

– Он и меня предупредил. Что ты завтра не придёшь в Палату. – Кассиан вздохнул. – Сходи, Мерн. Выслушай. Не отказывайся сразу. И ничего не обещай, пока не поговоришь со мной.

– Мастер, – сказал Тавий, – вы ведь давно знаете. Про меня.

Кассиан медленно повернул голову. Остров за его спиной темнел на фоне закатного неба, и сосна на скале была похожа на чёрный росчерк пера.

– Я знаю про тебя ровно столько, сколько ты сам мне сказал, – ответил учитель. – А ты мне не сказал ничего. Помнишь?

Он отвернулся и больше не произнёс ни слова до самого берега.

Вечером Тавий пошёл к Нестору. Он не собирался, ноги сами принесли его на угол Медной и Канатной. В мастерской горел свет. Старик сидел за верстаком, ссутулившись над медной доской, и вёл резцом тонкую линию. Он даже не поднял головы, когда Тавий вошёл.

– Видел твоего князя, – сказал Нестор. – С волнолома. В трубу. Красивый. Как петух на ярмарке.

– Меня завтра ждут во дворце.

Резец остановился. Нестор отложил его, снял с носа очки в медной оправе и долго их протирал краем рубахи.

– Беги, – сказал он. – Сегодня же. На Скалицу, к матери, а оттуда на любом кааранском торговце куда подальше. Деньги я дам. У меня отложено на похороны, а помирать я пока не собираюсь.

– Они знают про Луцию, Нестор. Ферро сам сказал. Про сети, про лодку, на которую она копит. Я уеду, а они приедут за ней.

Нестор надел очки, посмотрел на него поверх оправы, тяжело и долго.

– Тогда иди, – сказал он. – Только запомни одну вещь. Ты им нужен больше, чем они тебе. Князь может тебя запереть, может пугать, может кормить с золотой ложки. Но рисовать за тебя он не может. Рука твоя. Пока рука твоя, ты не курица в клетке. Ты кузнец, у которого они заказывают меч. А кузнец всегда знает, где у меча слабое место.

Он выдвинул ящик верстака, порылся в нём и достал маленькую медную пластинку размером с ладонь. На пластинке была вырезана роза ветров со сломанным северным лучом. Тонко, точно, с любовью.

– Сделал тебе к именинам, – буркнул Нестор. – Хотел печать заказать с ручкой. Не успел. Бери так.

Тавий взял пластинку. Медь была холодная и тяжёлая.

– Спасибо.

– Не за что. Иди спать. И не рисуй ничего. Слышишь? Ни-че-го.

Тавий кивнул, спрятал пластинку за пазуху и вышел. На Канатной было темно и тихо. Где-то далеко, над заливом, на новом острове ещё горели костры: кто-то из придворных остался там ночевать. Огоньки дрожали на воде, и казалось, что остров смотрит на город множеством жёлтых глаз.

Тавий шёл домой и чувствовал, как пластинка у сердца медленно теплеет.

Глава 5. Предложение

Дворец князей Ардейских стоял на вершине самого высокого из холмов Сальвина, и оттуда, как говорили, было видно всё княжество: на севере Серые Зубцы с белыми шапками, на юге море до самого края неба, на востоке дымку над равниной, за которой начиналась Каарана. Говорили, что первый князь выбрал этот холм именно поэтому: хотел видеть свою землю целиком, как видят карту на столе. Тавий слышал эту историю сотню раз, ещё учеником. Тогда она казалась ему красивой. Теперь, поднимаясь по крутой мощёной дороге к воротам, он думал о том, что человек, который хочет видеть свою землю целиком, рано или поздно захочет и рисовать её сам.

У ворот его ждали. Не стража, а молодой человек в тёмном кафтане без гербов, с незапоминающимся лицом. Он поклонился, назвал Тавия по имени и повёл его не через парадный двор, где толпились просители, а боковой калиткой, через сад, по узкой лестнице, которой, судя по стёртым ступеням, пользовалась прислуга. Они поднялись на третий этаж, прошли по длинной галерее с окнами на море и остановились у низкой дубовой двери.

– Вас ждут, – сказал провожатый и открыл дверь.

Комната была небольшой. Тавий ожидал увидеть тронный зал, или хотя бы кабинет с гербами и знамёнами, а увидел что-то вроде мастерской. Длинный стол у окна был завален картами. Старыми, новыми, на бумаге, на пергаменте, на шёлке. На стенах тоже висели карты: Ардея, Каарана, побережье Тёплого моря, северные перевалы. В углу стоял огромный глобус на медной подставке, потёртый и облупленный. Пахло воском, старой бумагой и вином.

Князь стоял у стола спиной к двери и рассматривал что-то через увеличительное стекло. Он был без камзола, в одной белой рубахе с расстёгнутым воротом, рукава закатаны до локтей. На краю стола сидела княжна Гелена, болтая ногой, как девчонка, и чистила яблоко маленьким ножом. У окна, сцепив руки за спиной, стоял Ферро.

– Мастер Мерн, ваша светлость, – сказал Ферро.

Князь обернулся. При ближнем рассмотрении он выглядел моложе, чем на помосте: лицо усталое, под глазами тени, на щеке след от подушки. Но глаза были те же: быстрые, беспокойные, жадные.

– Мерн! – сказал он с улыбкой, будто встречал старого друга. – Наконец-то. Проходите, садитесь. Вина? Нет? Ну и правильно, рано ещё. Я вот тоже не пью до полудня, а сегодня не удержался. Плохо спал. Всю ночь думал о вашем острове.

Он шагнул к Тавию, взял его за плечи, развернул к столу. Тавий почувствовал запах вина и пота.

– Смотрите, – сказал князь.

На столе, придавленный по углам четырьмя золотыми монетами, лежал лист из обрезков с островом и розой ветров. Рядом лежала карта залива, старая, ещё времён прошлого князя. И новая, начерченная наспех кем-то из палатских после вчерашней съёмки. Остров был вписан в неё карандашом.

– Совпадает, – сказал князь. – До последней скалы. Даже глубины у бухты. Мои люди мерили ночью. Как вы это делаете?

Тавий молчал. Он смотрел на свой лист под золотыми монетами и думал, что, если сейчас скажет хоть слово, обратного пути не будет.

– Ансельм, – сказала Гелена, не поднимая глаз от яблока. – Ты его пугаешь.

– Я его не пугаю. Я им восхищаюсь. – Князь отпустил Тавия, обошёл стол, сел на стул задом наперёд, положил руки на спинку. – Мерн, давайте начистоту. Ферро говорит, вы честный человек. Ферро редко так говорит о людях, обычно он говорит, что у каждого есть цена. Поэтому я буду с вами честным. Мне не нужно знать, как вы это делаете. Колдовство, дар

Божий, подземный огонь, мне всё равно. Мне нужно знать одно: можете ли вы сделать это ещё раз?

– Я не знаю, ваша светлость, – сказал Тавий.

Это была почти правда.

– Не знаете? – Князь прищурился. – Остров появился сам по себе? Через неделю после того, как вы его нарисовали? Это случайность?

– Я не знаю, – повторил Тавий. – Я его нарисовал, да. Я часто рисую то, чего нет. Это... привычка. Я рисую и сжигаю. Этот лист я не сжёг, потому что меня отвлекли. Потом его украли. А через семь дней появился остров. Больше я ничего не знаю.

– Семь дней, – повторил князь. – Ферро, ты слышал? Семь дней.

– Слышал, ваша светлость.

– А раньше? Раньше такое бывало? Вы рисовали, и оно появлялось?

Тавий помедлил. Он подумал о бухте на Скалице, о Марухе и её козах. О колокольчике в кармане. Если он сейчас расскажет, что земля не берётся из ничего, что за каждый остров кто-то платит, они поймут. Князь поймёт. Гелена точно поймёт. Но тогда они будут знать о нём всё, а он о них ничего. И кто знает, не решат ли они, что цена их устраивает.

– Я не уверен, – сказал он. – Один раз в детстве. Была бухта. Но тогда был шторм, и все решили, что это шторм.

Ферро у окна чуть повернул голову. Тавию показалось, что начальник Тихой службы отметил его заминку и запомнил её, как запоминал всё.

– Хорошо, – сказал князь. Он встал, прошёлся по комнате, остановился у глобуса, крутанул его ладонью. Шар загудел, поплыли моря и материки. – Хорошо. Значит, будем проверять. Знаете, Мерн, что такое Ардея?

– Княжество, ваша светлость.

– Маленькое княжество. Нищее княжество. – Князь остановил глобус пальцем. Палец упирался в крохотное пятнышко у края моря. – Вот она, Ардея. Вот такая. Семь городов, двести сёл, три долины, где родится хлеб, и горы, где не родится ничего. Мы ввозим зерно из Каараны. Мы покупаем лес в Кааране. Мы должны кааранским банкирам столько, что я боюсь даже вслух называть сумму. Мой отец занимал, чтобы воевать с Каараной. Я занимаю, чтобы отдавать долги отца. Каждый год проценты растут, а земли больше не становится.

Он отошёл от глобуса и снова сел на стул.

– А теперь Совет Домов, – продолжал он. – Пять старых родов, которые владеют тремя четвертями пахотной земли. Без их согласия я не могу ни поднять налог, ни объявить войну, ни продать даже клочка казённой земли. Они сидят на своих долинах, как куры на яйцах, и смотрят, как я тону. Ратен уже предлагал мне продать Кааране права на северные рудники. Солье хочет, чтобы я женился на дочке кааранского банкира. Они ждут, когда я сломаюсь, Мерн. И я сломаюсь, если ничего не изменится.

– Ансельм, – тихо сказала Гелена.

– Нет, пусть знает. – Князь махнул рукой. – Если он может то, что я думаю, он должен знать, зачем мне это. Мне нужна земля, Мерн. Моя земля. Не Совета, не Домов, не банкиров. Моя. Новая. Которой никто не владеет, потому что её никогда не было. Если бы у меня была такая земля, я бы раздал её людям, у которых нет ничего. Рыбакам с Сухих Ступеней. Солдатам, которые вернулись с войны без гроша. Сыновьям крестьян, которым нечего наследовать. И у меня были бы люди, которые обязаны мне, а не Ратену. И хлеб, который не надо покупать у Каараны. И налоги, которые не надо выпрашивать у Совета.

Он наклонился вперёд.

– Нарисуйте мне землю, Мерн. Не остров. Долину. Хорошую долину, плодородную, с рекой и пашней. Там, где сейчас ничего нет.

– Где? – спросил Тавий. Голос у него снова сел.

Князь вскочил, подошёл к стене, где висела карта Ардеи, и ткнул пальцем в юго-западный угол. Там, на южном берегу, длинным языком уходил в море полуостров, обозначенный штриховкой голых холмов. Сухой Рог. Тавий знал его. Он снимал его побережье пять лет назад. Голые известковые холмы, сухие русла, где вода бывает только весной, колючки, змеи и ветер. Там не жил никто, кроме пастухов, которые приходили на две недели весной и уходили, проклиная всё на свете.

– Вот здесь, – сказал князь. – Между холмами. Есть же там какая-нибудь впадина? Нарисуйте туда долину. Реку. Пашню. Рощи. Хоть что-нибудь, где может жить человек.

Тавий смотрел на Сухой Рог. Голые холмы, сухие русла. Ничья земля. Никто там не живёт. Значит, может быть, и платить будет некому.

Он сам удивился этой мысли. Она пришла сама, холодная и деловитая, как цифра в промерах.

– Ваша светлость, – сказал он медленно, – я не знаю, получится ли.

– Вот и проверим.

– А если получится, – продолжал Тавий, – что тогда?

Князь посмотрел на него с удивлением, потом рассмеялся.

– Тогда вы будете самым богатым картографом в истории Ардеи, Мерн. Я дам вам дом в Верхнем городе. Жалованье, как у члена Совета. Титул, если хотите. Хотите быть бароном? Барон Мерн. Звучит.

– Я не хочу быть бароном.

– А чего вы хотите?

Тавий не знал, что ответить. Он хотел вернуться в Палату, к береговой съёмке. Хотел, чтобы острова не было. Хотел, чтобы Сверчок не продавал его лист, чтобы Ферро не знал про Луцию, чтобы князь не смотрел на него этими жадными глазами.

– Он хочет, чтобы его оставили в покое, – сказала Гелена. Она положила очищенное яблоко на край стола, вытерла нож о платок и посмотрела на Тавия. – Правда ведь, мастер Мерн?

– Правда.

– Не выйдет, – сказала княжна спокойно. – Простите. Вы теперь слишком ценный человек, чтобы вас оставили в покое. Если не мой брат, то Ратен. Если не Ратен, то Каарана. У Каараны в Сальвине людей больше, чем у нас в Кааране. Правда, Ферро?

– Втрое больше, ваша светлость.

– Видите. – Гелена встала с края стола, одёрнула платье. – Так что выбирать вам придётся не между покоем и службой. А между службой моему брату и службой кому-нибудь похуже. Я бы на вашем месте выбрала моего брата. Он, по крайней мере, не будет держать вас в подвале.

– Гелена! – возмутился князь.

– А что? Ты будешь держать его в подвале?

– Конечно, нет!

– Вот я и говорю.

Тавий переводил взгляд с одного на другую. Князь смотрел на сестру обиженно, как мальчишка, у которого отобрали игрушку. Гелена смотрела на Тавия, и в её глазах не было ни жадности, ни обиды. Только усталое, спокойное внимание.

– Ваша светлость, – сказал Тавий князю, – у меня сестра на Скалице. Ей семнадцать лет.

Князь нахмурился, не понимая.

– Да, Ферро говорил. И что?

– Мастер Ферро говорил вчера, что знает про неё. Про то, что она плетёт сети. Я хотел бы, чтобы её не трогали. Что бы ни случилось. Получится у меня или не получится, соглашусь я или нет.

В комнате стало тихо. Князь посмотрел на Ферро. Ферро смотрел в окно.

– Её никто не тронет, – сказала Гелена. – Даю вам слово.

– Ваше слово, ваша светлость, или слово князя?

Гелена чуть приподняла бровь. Потом впервые за весь разговор по-настоящему улыбнулась.

– Моё, – сказала она. – Оно надёжнее.

Князь хотел было возразить, но махнул рукой и рассмеялся.

– Видите, Мерн, с кем мне приходится жить? Ладно. Её никто не тронет. Ферро, слышал? Никто. Ну что, договорились? Одна долина. Одна проба. Если получится, поговорим дальше. Если нет, вернётесь в свою Палату и забудете этот разговор.

– Одна проба, – сказал Тавий.

Князь хлопнул в ладоши, как ребёнок.

– Прекрасно! Ферро, распорядись. Мастеру Мерну нужно всё, что он попросит. Бумагу, тушь, свечи, хоть луну с неба. Где вы будете рисовать, Мерн? Здесь?

– В Палате, ваша светлость. За своим столом.

– В Палате так в Палате. Ферро поставит людей, чтобы вас не беспокоили. – Князь подмигнул. – И чтобы никто ничего не украл.

Из дворца Тавий вышел через ту же боковую калитку. Солнце стояло высоко, над городом висела жара. Он спускался по мощёной дороге и не чувствовал ног. В ушах ещё звучал голос князя: «Нарисуйте мне землю». И голос Гелены: «Оно надёжнее».

Кассиан ждал его в Палате, в своём кабинете на втором этаже. Он сидел за столом, заваленным бумагами, и что-то писал, но, когда Тавий вошёл, отложил перо и закрыл книгу.

– Садись, – сказал он. – Рассказывай.

Тавий рассказал. Про карты на стенах, про глобус, про долги и Совет Домов. Про Сухой Рог. Про Гелену. Кассиан слушал, не перебивая, и только когда Тавий упомянул Сухой Рог, чуть заметно кивнул.

– Сухой Рог, – повторил он. – Разумно. Там никто не живёт. Никто не станет спорить, чья это земля.

– Мастер, – сказал Тавий, – вы мне так ничего и не скажете?

Кассиан посмотрел на него долгим взглядом. Потом встал, подошёл к шкафу, открыл его ключом, который висел у него на цепочке на шее, и достал толстую книгу в чёрном кожаном переплёте. Книга была новая, пустая. Он положил её перед Тавием.

– Вот что я тебе скажу, – произнёс он. – Делай, что велит князь. Не спорь с ним, это бесполезно. Рисуй долину. Но веди записи. Каждый день. Что рисуешь, где, как, сколько времени. А главное, пиши всё, что услышишь за эти семь дней. Слухи, сплетни, новости из провинций. Особенно о том, что где-то что-то пропало. Корова, лодка, межевой камень, тропинка, человек. Всё, что пропадёт. Записывай.

Тавий смотрел на учителя и чувствовал, как у него холодеют руки.

– Почему пропадёт? – спросил он тихо.

Кассиан не ответил. Он подвинул книгу к Тавию, положил сверху свою большую, испачканную тушью ладонь и подержал её так, будто благословлял.

– Записывай, – повторил он. – Потом поговорим. Через семь дней. Обещаю.

Вечером у дверей Палаты встали двое. Не стражники, а такие же неприметные люди в тёмном, каких Тавий уже видел у ворот дворца. Один сел на ступеньку и достал из кармана сухарь, другой прислонился к стене и закрыл глаза, будто дремал. Привратник косился на них и крестился. Братья Окунь ушли раньше обычного и даже не поспорили на прощание. Сверчок долго топтался у двери, не решаясь ни уйти, ни заговорить, и наконец ушёл, так ничего и не сказав.

Тавий зажёг лампу, сел за стол и открыл чёрную книгу.

Первую страницу он долго не мог начать. Перо висело над бумагой, с кончика собиралась капля. Он думал, что писать. Что князь хочет землю? Что Гелена дала слово? Что Ферро знает про Луцию? Всё это было не то. Кассиан просил записывать не то, что думает Тавий, а то, что случится.

В конце концов он написал:

«День первый. Получил заказ на долину в Сухом Роге. Рисовать ещё не начал. Пропаж не слышал».

Посмотрел на эти три строчки. Они были похожи на запись в судовом журнале перед штормом: ветер умеренный, волна небольшая, происшествий нет.

Потом он вспомнил колокольчик с гребешком, вытащил его из кармана, положил рядом с книгой и дописал ниже, другим, мелким почерком, будто стыдясь:

«До того. После острова в заливе найдены: нос лодки с резным гребешком, медный колокольчик с тем же клеймом. Откуда – неизвестно. Узнать, есть ли на побережье хутор или род, чей знак – гребешок».

Он закрыл книгу, но не встал. Сидел и смотрел на карту Ардеи, которая висела на стене напротив, над столом братьев Окунь. Старая карта, ещё времён прошлого князя, выцветшая, с пятнами от сырости. Сухой Рог на ней был закрашен бледно-жёлтым, цветом пустошей. Ни деревни, ни дороги. Только пунктир пастушьей тропы и маленький крестик на самом конце, у мыса. Тавий прищурился. Что это за крестик? Часовня? Могила? Маяк?

Он встал, подошёл к карте, поднёс лампу. Крестик был подписан мелко, выцветшими чернилами, почти неразборчиво. Он долго вглядывался и наконец прочитал: «Скит св. Онуфрия, пуст.».

Пуст. Значит, никого. Значит, можно.

Тавий вернулся к столу, открыл книгу и записал и это. Потом погасил лампу и долго сидел в темноте, слушая, как за дверью хрустит сухарём человек Ферро.

Он думал о том, что пустой скит на карте и пустой скит на земле – не одно и то же. Карту рисовали лет тридцать назад. За тридцать лет туда мог прийти новый отшельник, могли поселиться пастухи, могла вернуться какая-нибудь старуха, которой больше некуда идти. Карта говорит только то, что на ней есть, сказал Кассиан. А на ней нет ничего, кроме выцветшего крестика и короткого слова «пуст».

Глава 6. Семь дней

Долину он рисовал два дня.

Остров в заливе он нарисовал за один вечер, не думая, как рисуют на полях письма. Тогда это была игра. Теперь он знал, что каждая линия станет землёй, и не мог провести ни одной, не взвесив её трижды. Первое утро он вообще не притрагивался к перу. Сидел над старыми листами съёмки Сухого Рога, над собственными промерами пятилетней давности, над записями пастухов, которые Палата собирала когда-то для межевых книг. Высоты холмов. Направление ветров. Где весной бежит вода и куда она уходит. Где камень, где глина, где песок.

Сухой Рог был похож на руку, вытянутую в море ладонью вниз. Пальцы – известковые гряды, между ними – сухие лощины. Самая широкая лощина лежала посередине, между двумя самыми высокими грядами, и тянулась от основания полуострова почти до мыса. Весной по ней текла речка, которую пастухи называли Пересыхой. К середине лета от Пересыхи оставались только белые камни и змеиные шкурки.

Тавий решил, что долина будет там.

Он вспоминал, как устроены настоящие долины. Не выдуманные, а те, что он снимал в Ратеновых землях, на севере, где по дну текут реки, а по склонам растут сады. Вода берётся из гор. Значит, в горах должен быть снег или родники. Снега в Сухом Роге не бывает. Значит, родники. Он нарисовал их у основания полуострова, в изголовье лощины, под высокой грядой: семь ключей, которые сливаются в один ручей, а ручей, набирая воду из боковых родников, становится рекой. Река течёт по дну долины до самого моря и впадает в маленький залив у мыса.

Он рисовал реку весь первый день. Изгибы, отмели, перекаты, омуты. Ширину в разных местах. Он хотел, чтобы река была настоящей, а не синей лентой, какие рисуют на дешёвых картах для приезжих. Где-то она бежит быстро, по камням, и там стоит мельница. Где-то разливается плёсом, и там брод. Где-то подмывает берег, и там обрыв, на котором гнездятся ласточки. Мельницу он, впрочем, рисовать не стал. Мельницу построят люди. Он должен нарисовать только то, что даёт земля.

Второй день ушёл на склоны и пашню. Он наметил, где будет чернозём, а где суглинок. Где дубовые рощи, где луга, где можно сажать виноград. Он подумал о ветре и посадил на северных склонах полосы леса, чтобы ветер с моря не выдувал землю. Подумал о зиме и сделал долину глубже, чтобы в ней было теплее. Подумал о змеях и о пастухах, которые приходят весной на Сухой Рог, и оставил на южных грядах пастбища, как были.

Скит святого Онуфрия стоял на самом конце полуострова, у мыса, на голой скале. Тавий долго смотрел на выцветший крестик. Потом обвёл его на своём листе аккуратным кружком и оставил как есть. Долину он закончил за версту до скита. Пусть старый скит стоит, где стоял. Пусть стоит, даже если он пуст.

К вечеру второго дня лист был почти готов.

Люди Ферро сменялись у дверей Палаты дважды в день. Днём их было двое, ночью трое. Они не мешали, ни о чём не спрашивали и не заходили в чертёжную. Они просто были. Палатские сначала пугались их, потом привыкли и начали здороваться. Сверчок носил им отвар и сухари. Братья Окунь перестали ругаться, во всяком случае громко. Мариан Лесс целыми днями сидел над своей перепиской и косился на Тавия, когда думал, что тот не видит.

Кассиан в чертёжную не заходил. Тавий видел его только мельком, на лестнице или во дворе, и каждый раз учитель кивал ему и проходил мимо, как будто ничего не случилось.

Вечером второго дня, когда все ушли, а Тавий сидел над листом и не решался поставить знак, в дверь постучали.

– Можно? – спросил женский голос.

Он обернулся. На пороге стояла Гелена. Она была в тёмном дорожном плаще с капюшоном, откинутым на плечи, в простых кожаных башмаках, без свиты. Только за её спиной, в коридоре, маячила тень одного из людей Ферро.

– Ваша светлость...

– Сидите, сидите. – Гелена прошла в чертёжную, огляделась с любопытством. – Я никогда здесь не была. Отец бывал, а я ни разу. Тут красиво. Пахнет хорошо.

– Клеем, ваша светлость.

– Клеем и старой бумагой. Как в библиотеке у нас во дворце, только честнее. – Она подошла к его столу и остановилась в двух шагах, не приближаясь. – Можно посмотреть?

Тавий помедлил, потом отодвинулся. Гелена подошла и наклонилась над листом.

Она смотрела долго. Молча. Тавий видел, как она ведёт глазами по реке от истока до устья, как задерживается на родниках, на бродах, на лесных полосах вдоль северных склонов. Потом её взгляд остановился на кружке вокруг выцветшего крестика.

– А это что?

– Старый скит. Святого Онуфрия. Говорят, пустой.

– Вы его не тронули.

– Нет.

– Почему?

Тавий не знал, как объяснить.

– Он там был до меня, – сказал он наконец. – Пусть будет.

Гелена выпрямилась и посмотрела на него. В свете лампы её лицо казалось очень бледным, а глаза очень тёмными.

– Вы ведь знаете больше, чем сказали брату, – произнесла она тихо. – Да?

– Ваша светлость...

– Я не прошу рассказать. – Она подняла руку. – Я сама знаю, каково это, когда тебя спрашивают о том, что ты не хочешь говорить. Я только хочу, чтобы вы знали одну вещь. В нашей семье за всё всегда платили. Мой прадед построил дворец на холме, и под ним лежат кости двухсот каменотёсов. Мой дед выиграл войну с Кааряной, и полстраны до сих пор платит за эту войну. Мой отец провёл войско через северные перевалы по прекрасной карте вашей Палаты, и на этих перевалах замёрзло четыреста человек, потому что на карте не было указано, что в октябре там уже метели. – Она помолчала. – Я не верю в подарки, мастер Мерн. Ни от Бога, ни от людей. Если за ваш остров кто-то заплатил, я хочу знать кто.

Тавий смотрел на неё и молчал. Колокольчик лежал у него в кармане, и ему казалось, что Гелена его видит сквозь сукно.

– Если я узнаю, – сказал он наконец, – я вам скажу.

– Хорошо. – Гелена кивнула, будто именно этого и ждала. – Когда вы поставите знак?

– Сегодня. Если поставлю.

– Тогда я не буду мешать.

Она пошла к двери. На пороге остановилась и обернулась. Тавий уже начал привыкать, что все в этой истории оборачиваются на пороге.

– У вас очень красивые реки, мастер Мерн, – сказала Гелена. – Живые. Я рисую реки, как синие верёвки. А у вас они бегут.

Когда она ушла, Тавий ещё долго сидел, глядя на лист. Потом взял медную пластинку Нестора, обмакнул её в тушь и прижал к нижнему углу. Роза ветров со сломанным северным лучом легла на бумагу ровно и чётко.

В тот же миг ему показалось, что в чертёжной стало холоднее. Пламя лампы качнулось, хотя ставни были закрыты. Он поднял руку от листа и почувствовал, как в кончиках пальцев покалывает, будто он отлежал их во сне.

Он записал в чёрной книге: «День третий. Знак поставлен вечером. Отсчёт семи рассветов с завтрашнего утра».

Наутро он проснулся с ощущением, что забыл что-то важное. Лежал, смотрел на скат крыши над головой и пытался вспомнить. Что-то из детства. Какой-то запах. Какой-то голос. Не вспомнил. Встал, умылся, пошёл в Палату. По дороге ощущение прошло, и он о нём больше не думал.

На четвёртый день, к полудню, в Палату пришла Мирта Сайл.

Он услышал её раньше, чем увидел. Внизу, у входа, кто-то кричал, хлопали двери, привратник пытался что-то сказать, его перебивали. Потом голоса людей Ферро, ровные, спокойные. Потом снова крик, женский, звонкий и злой:

– Да мне плевать, кто вы такие! Я хочу его видеть! Он картограф или нет? Он остров нарисовал? Вот пусть мне и скажет, куда делся мой дом!

Тавий встал из-за стола и вышел на лестницу.

Внизу, в прихожей, двое людей Ферро держали за руки женщину. Держали осторожно, без грубости, но крепко. Женщина вырывалась. Она была невысокая, крепкая, загорелая до черноты, в просмолённой рыбацкой куртке, в высоких сапогах и холщовых штанах. Волосы, выгоревшие на солнце до цвета соломы, были заплетены в толстую косу, перевязанную обрывком линя. На поясе висел нож в кожаных ножнах. Лицо было злое, мокрое от слёз.

– Отпустите её, – сказал Тавий.

Люди Ферро посмотрели на него, потом друг на друга. Один пожал плечами, и они отпустили. Женщина отдёрнула руки, потёрла запястья и уставилась на Тавия снизу вверх.

– Ты Мерн?

– Я.

– Это ты нарисовал остров?

Привратник зажмурился. Один из людей Ферро шагнул вперёд, но Тавий поднял руку.

– Поднимитесь, – сказал он женщине. – Поговорим наверху.

В чертёжной она не села, хотя он придвинул ей стул. Стояла посреди комнаты, расставив ноги, как на палубе в качку, и смотрела на него в упор. Глаза у неё были светло-серые, как море в пасмурный день.

– Меня зовут Мирта Сайл, – сказала она. – Я капитан шхуны «Сорока». Возим грузы вдоль побережья. Соль, рыбу, вино. И кое-что ещё, о чём тебе знать не надо. Я родилась на хуторе Гребешок. Это на западном берегу, за Козьими Рогами, в дне ходу от Сальвина. Маленький хутор, четыре двора. Рыбаки. Мой отец, дядька, двое двоюродных братьев с жёнами и детьми. Всего шестнадцать человек. Ни в каких книгах мы не записаны. Подати не платили, потому что сборщики к нам не доходили. Дорог к нам нет, только по воде. Понимаешь?

– Понимаю.

– Две недели назад я ушла в рейс на юг. Вернулась позавчера. Подхожу к Гребешку. А Гребешка нет.

Она замолчала. Тавий видел, как у неё дёргается скула.

– То есть берег есть, – продолжала она, глядя мимо него, в окно. – Скалы есть, отмель. А хутора нет. Ни домов, ни причала, ни коптильни. Ни лодок. Ни людей. Голый камень, как будто там никогда ничего не было. Я высадилась, обошла всё. Ни одной доски. Ни одного гвоздя. Ни одной могилы. А у нас там кладбище было, на горке, двадцать крестов, моя мать там лежит.

Она снова посмотрела на Тавия.

– Я поплыла в Ласточкину Заводь, это ближайшая деревня, полдня ходу. Спрашиваю: где Гребешок? Где мой отец? Где Сайлы? А они на меня смотрят, как на дурную. Какой Гребешок? Какие Сайлы? Нет там никакого хутора и никогда не было. Староста, с которым мой отец двадцать лет торговал рыбой, говорит мне: девка, ты, видно, головой где-то ударилась. Говорит, ты ж сама из Заводи, сирота, мы тебя всем миром растили.

Голос её сорвался. Она прикусила губу и замолчала.

Тавий подошёл к столу, открыл ящик и достал колокольчик. Протянул ей на ладони.

Мирта посмотрела на колокольчик. Потом медленно взяла его, повернула клеймом к свету. Её пальцы дрожали.

– Где ты это взял? – прошептала она.

– На острове. На западном берегу. Рядом лежал нос лодки. С резным гребешком.

Мирта сжала колокольчик в кулаке так, что побелели костяшки.

– Это наш, – сказала она. – Это с козы тётки Ульяны. Я сама ей его покупала на ярмарке в Солье. Язычок потерялся прошлой зимой, а она всё не снимала, говорила, коза без колокольчика как без имени. А лодка – дядькина. Он гребешок резал три вечера и ругался, что криво.

Она подняла глаза на Тавия. Глаза были сухие и страшные.

– Что ты сделал с моим домом, картограф?

Тавий не знал, что ответить. Он смотрел на неё, на её сжатый кулак, на соломенную косу, перевязанную линём, и вспоминал Козий мыс. Голый камень, отполированный водой. Как будто там никогда ничего не было.

– Я не знаю, – сказал он. – Честно. Я не знаю. Но я хочу знать. И, кажется, ты единственный человек, кроме меня, который помнит, что там было раньше.

Мирта долго смотрела на него. Потом разжала кулак, посмотрела на колокольчик, сунула его за пазуху.

– Ладно, – сказала она хрипло. – Ладно. Тогда поплыли.

– Куда?

– На Гребешок. Сам посмотришь. Моя «Сорока» в Рыбьей гавани. Завтра на рассвете выходим. Если ты, конечно, не боишься оставить свои бумажки.

Тавий посмотрел на свой стол. На чёрную книгу. На лист с долиной, запертый в ящике. На людей Ферро, которые стояли в дверях и делали вид, что ничего не слышат.

– Я спрошу разрешения, – сказал он.

– У кого?

– У князя.

Мирта фыркнула.

– Вот оно что, – сказала она. – Ты, значит, теперь княжеский. Ну, спрашивай. А я пойду. Буду ждать до рассвета. Не придёшь, уйду одна. И, картограф... – она задержалась на пороге, и Тавий подумал, что это уже становится каким-то проклятием, – если ты врёшь мне хоть в чём-то, я тебя утоплю. Я умею.

Она ушла, громко стуча сапогами по лестнице.

Тавий сел за стол и открыл чёрную книгу. Перо дрожало.

«День четвёртый. Пропажа. Хутор Гребешок, западный берег, за Козьими Рогами. Четыре двора, шестнадцать человек, рыбаки Сайлы. Ни в каких книгах не записан. Исчез, по-видимому, в ночь появления острова. Соседи не помнят. Помнит одна Мирта Сайл, капитан шхуны "Сорока", она была в отъезде».

Он перечитал запись. Посмотрел на слова «ни в каких книгах не записан». Подчеркнул их дважды.

Потом встал и пошёл к людям Ферро сказать, что ему нужна лодка и разрешение уйти из города на три дня.

Разрешение пришло вечером. Не от князя, а от Гелены. Короткая записка, написанная быстрым, острым почерком: «Плывите. Возьмите с собой человека Ферро, чтобы брат не волновался. Возвращайтесь к седьмому рассвету. Г.»

Перед тем как идти собираться, он зашёл к Нестору. Старик выслушал про Мирту, про колокольчик и про хутор, не перебивая, только сопел и мял в пальцах сухую инжирину. Потом

встал, кряхтя, полез на полку, где стояли переплетённые описи за сорок лет: все приходы западного берега, все сёла, все хутора, которые Палата когда-либо заносила в свои книги.

Они искали вдвоём до полуночи. Ласточкина Заводь нашлась: сорок два двора, часовня, два колодца, староста Прохор Ветла. Козьи Рога нашлись: необитаемые скалы, отмели, маяк. Гребешка не было ни в одной книге. Ни в старых, ни в новых. Ни под этим именем, ни под каким другим.

– Как будто и не было, – сказал Нестор, захлопывая последнюю опись. Пыль поднялась облаком, и он чихнул.

– Он был. Она там родилась.

– Я не говорю, что не было. Я говорю, что для Палаты его не было. Для князя, для податей, для межевых книг. Никто его никогда не записал. – Нестор посмотрел на Тавия поверх очков. – Знаешь, сколько таких хуторов на побережье? Десятки. Люди уходят от сборщиков, селятся в бухтах, куда дороги нет, живут себе по сто лет. Рыбу продают в соседние деревни, детей крестят у заезжих попов, а в книги не попадают. Для Палаты это пустой берег.

– Пустой берег, – повторил Тавий.

Он вспомнил, как на карте Сухого Рога было написано: «Скит св. Онуфрия, пуст.». Вспомнил, как обвёл крестик кружком и решил, что раз пуст, то можно.

– Нестор, – сказал он, – а ты помнишь колыбельную, которую поют на Скалице? Про чайку и рыбака. Мне её мать пела. Как там начало?

Нестор удивлённо поднял брови.

– Я тебе что, островитянин? Откуда мне знать ваши колыбельные. А ты что, сам не помнишь?

Тавий открыл рот, чтобы напеть, и замолчал. Он помнил, что колыбельная была. Помнил, как мать сидела у его постели, как пахли её руки рыбой и дымом, как скрипела люлька Луции в углу. Помнил, что там была чайка и был рыбак. А слов не помнил. Ни одного. Ещё неделю назад помнил, он был уверен, что помнил: он напевал её себе под нос, когда работал. А теперь на месте слов была гладкая пустота, как на месте Козьего мыса.

– Забыл, – сказал он тихо. – Странно. Пел же.

– Устал ты, вот и забыл, – проворчал Нестор. – Иди спать. На рассвете тебе в море.

Тавий пошёл домой. Всю дорогу он пытался вспомнить хоть строчку и не вспомнил. Дома, прежде чем лечь, он открыл чёрную книгу и дописал внизу страницы, мелко:

«Забыл колыбельную матери. Слов нет. Проверить, связано ли».

Глава 7. Пропавший хутор

«Сорока» оказалась маленькой двухмачтовой шхуной с чёрным корпусом и белой полосой по борту, такой узкой и лёгкой, что Тавий сначала принял её за прогулочную лодку какого-нибудь богача. Только подойдя ближе, он увидел, что она не прогулочная: на палубе тесно, всё свёрнуто, закреплено, приторочено, а под палубой трюм, в который, если постараться, можно было бы спрятать целый табун. Борта были латаны в нескольких местах, паруса тёмные от времени и смолы. На носу кто-то нарисовал белой краской птицу с длинным хвостом.

Мирта стояла у сходней, скрестив руки, и смотрела, как он идёт по причалу в сером утреннем свете, с сумкой на плече. За ним шёл человек Ферро. Высокий, сутулый, с длинными руками и длинным лицом, в тёмной куртке и с мешком за спиной. Его звали Брант. Больше о нём Тавий ничего не знал: за весь путь от Палаты до Рыбьей гавани Брант не сказал ни слова.

– Пришёл, – сказала Мирта. – А это кто?

– Человек князя. Без него не пустили.

Мирта оглядела Бранта с головы до ног, как оглядывают купленную на рынке рыбу.

– Плавать умеешь? – спросила она.

– Умею, – сказал Брант. Голос у него был неожиданно высокий, мягкий.

– Блевать будешь?

– Не буду.

– Посмотрим. – Мирта отступила от сходней. – Поднимайтесь. Отходим.

Команда «Сороки» состояла из двух человек. Старый боцман Кром, широкий, как бочка, с седой бородой, заплетённой в две косицы, был глух на одно ухо и разговаривал только жестами и ворчанием. И мальчишка лет двенадцати по имени Юрка, рыжий, конопатый, который носился по вантам, как белка, и пел похабные песни, пока Мирта не швыряла в него чем-нибудь. Вчетвером, с Тавием и Брантом, они едва помещались на палубе.

Вышли с отливом. Ветер был попутный, северо-восточный, свежий, и «Сорока» побежала, кренясь на правый борт, так легко и быстро, что Тавий, стоя у мачты, сначала испугался, а потом засмеялся. Мирта стояла у руля и не смеялась, но, когда он оглянулся на неё, ему показалось, что губы у неё дрогнули.

Сальвин уходил назад. Новый остров, Дар Ардеи, проплыл по левому борту: скала, сосна, пляж, на пляже шатры и флаги. Кто-то из придворных уже строил там летний дом, и на склоне белели свежие доски. Мирта посмотрела на остров, потом отвернулась и больше не смотрела, пока он не скрылся за мысом Чайки.

Шли весь день вдоль западного берега. Берег здесь был высокий, скалистый, изрезанный бухтами. В бухтах прятались деревни: несколько домов, причал, лодки, сети, развешанные на кольях. Над деревнями поднимался дым. Мирта называла их по именам, не глядя, будто читала по памяти: Ракушечник, Сухая Балка, Старые Сети, Ласточкина Заводь. Тавий записывал в чёрную книгу и сверял с тем, что помнил из палатских описей. Всё сходилось. Все деревни были на своих местах. Все были записаны.

К вечеру прошли Козьи Рога. Две высокие скалы, торчащие из воды, как рога у козла, и между ними узкий проход, в котором бурлила вода. На одной из скал стоял старый маяк, давно заброшенный, без огня.

– Здесь, – сказала Мирта и переложила руль. – За Рогами.

«Сорока» обогнула скалы и вошла в бухту.

Бухта была небольшая, глубокая, закрытая от северных ветров высоким мысом. На берегу – полоса гальки, за ней – пологий склон, поднимающийся к скалам. Тавий смотрел на склон и видел, где должны были стоять дома. Там, где земля была ровнее. Там, где можно

поставить причал. Там, где на горке, чуть в стороне, могло бы быть кладбище. Всё было удобно, разумно, будто создано для того, чтобы здесь жили люди.

Но людей не было. И домов не было. Голый склон, покрытый жёсткой травой и камнями.

Мирта отдала якорь. Кром и Юрка спустили лодку. Мирта первой спрыгнула в неё, за ней Тавий, потом, после короткого колебания, Брант. Юрка остался на шхуне, Кром сел на вёсла.

Они высадились на гальку. Мирта сразу пошла вверх по склону, быстро, не оглядываясь. Тавий шёл за ней. Брант держался чуть позади.

– Здесь был причал, – говорила Мирта, не останавливаясь. – Вот тут, где камни. Дядька каждую весну менял сваи. Здесь стояла коптильня, тут всегда пахло дымом, даже зимой. Вон там, повыше, наш дом. Видишь, где земля ровная? Отец сам ровнял, когда я родилась. Тут огород был. Тут сарай для сетей. Тут колодец, дядька копил на сруб, а потом выкопал сам.

Она шла и показывала на пустую землю, и Тавий, глядя туда, куда она показывала, почти видел: дома, дым, сети, колодец. Почти. Не видел только одного: ни малейшего следа. Не было ям от свай. Не было углей. Не было камней фундамента. Не было тропинок. Трава росла ровно, нетронуто, будто по ней сто лет не ступала нога человека.

Мирта остановилась на горке, на самом верху склона, и долго стояла, глядя себе под ноги.

– Здесь кладбище было, – сказала она глухо. – Мать вот тут. Под рябиной. Рябину отец посадил, когда её хоронили.

Рябины не было. Тавий смотрел на голую землю и думал о Козьем мысе. О гладком камне, отполированном водой.

Он отошёл в сторону и начал осматривать склон так, как привык осматривать землю для съёмки. Глазами картографа. Не на то, что есть, а на то, как оно лежит. Где наклон, где ровно, где вода сбегает, где задерживается. Камни, трава, мох, лишайник. Он ходил медленно, нагибался, трогал землю руками. Брант стоял поодаль и молча наблюдал за ним.

На краю склона, там, где он переходил в скалы, Тавий остановился.

Скалы здесь были старые, серые, обросшие лишайником. Лишайник был везде: жёлтый, серый, чёрный, кружевной, как пятна на шкуре старой собаки. Тавий провёл по нему рукой. Потом посмотрел ниже, туда, где скала уходила в склон.

Лишайник обрывался.

Не постепенно, не так, как обычно, когда на сыром склоне ему меньше света. А резко, по прямой линии, как будто кто-то провёл по скале ножом и соскоблил всё, что было ниже. Над линией – лишайник, мох, трещины, птичий помёт. Под линией – чистый камень, гладкий, серый, ровный. Новый.

Тавий пошёл вдоль линии. Она тянулась по скалам, потом сворачивала вниз, к воде, огибала склон широкой дугой и уходила в море. Он прошёл по ней шагов триста и вернулся к тому месту, где начал. Линия замкнулась.

– Мирта, – позвал он. – Иди сюда.

Она подошла. Он показал ей обрыв лишайника.

– Видишь?

– Вижу. И что?

– Всё, что внутри этой линии, новое. Камень, земля, трава. Как будто кто-то вырезал кусок берега ножом и вставил на его место другой. Чистый. – Он провёл пальцем по границе. – Как заплату на парус ставят. Только заплата из того же цвета, и издали не видно.

Мирта присела на корточки, провела рукой по гладкому камню.

– Вырезал, – повторила она. – Кто?

Тавий не ответил. Он думал о том, что и его остров в заливе вырезан из чего-то. Что сосна на скале, родник, роща, ручей – всё это откуда-то взялось. И взялось, наверно, отсюда. Из этой бухты, из этого склона, из шестнадцати жизней, которых нет ни в одной книге.

Брант подошёл, присел рядом, тоже потрогал камень. Потом выпрямился и посмотрел на Тавия.

– Мастер Мерн, – сказал он своим высоким мягким голосом. – Это вы сделали?

Мирта медленно повернула голову.

– Я не знаю, – сказал Тавий. – Может быть.

Он думал, что Мирта ударит его. Или бросится с ножом. Или закричит. Она не сделала ничего. Сидела на корточках у гладкого камня, смотрела на него, и лицо у неё было неподвижное, как у человека, которого только что ударили по голове и он ещё не понял, что ему больно.

– Рассказывай, – сказала она. Так же, как Нестор на острове.

И он рассказал. Второй раз за неделю. Про остров, про Маруху, про сосну, про колокольчик. Про долину в Сухом Роге, которую он нарисовал по приказу князя и которая появится через три дня. Про чёрную книгу, в которую учитель велел записывать пропажи. Рассказывал на голом склоне, в сумерках, под крики чаек, а Брант стоял рядом и молчал.

Когда он закончил, уже совсем стемнело. Над бухтой высыпали звёзды. На «Сороке» Юрка зажёг фонарь, и его свет дрожал на воде.

Мирта встала. Отряхнула колени. Посмотрела на море.

– Значит, мой дом – это сосна на твоём острове, – сказала она. – Моя мать – это родник. Мой отец – это роща. Так?

– Я не знаю, – сказал Тавий. – Я не знаю, как это работает. Может, они где-то есть. Может, они живы.

– Где?

– Не знаю.

Мирта засмеялась. Смех был короткий, хриплый, страшный.

– Ты ничего не знаешь, картограф. Ты рисуешь, а потом смотришь, что получилось. Как ребёнок, который поджёг сарай и стоит смотрит, красиво ли горит.

Тавий ничего не ответил. Она была права.

– А долина? – спросила Мирта. – В Сухом Роге. Её ты зачем нарисовал? Ты же знал уже. Ты же знал про свою Маруху.

– Я думал, раз там никто не живёт... Я думал, если нарисовать там, где никого нет, то и платить будет некому.

– Ты думал, – повторила Мирта. – А откуда возьмётся земля для твоей долины, ты подумал? Река, роща, пашня. Чернозём, говоришь, нарисовал? Чернозём из чего?

Тавий молчал. У него похолодело внутри.

– Из какого-нибудь хутора, о котором никто не знает, – сказала Мирта. – Из какой-нибудь деревни, которую не записали в твои книги. Из чьего-нибудь дома. Вот откуда.

Она повернулась и пошла вниз, к лодке. Тавий и Брант пошли за ней.

Ночевали на шхуне, в бухте. Никто не спал. Мирта сидела на корме, курила трубку и смотрела на тёмный склон. Кром ворочался под палубой и что-то ворчал. Юрка свернулся калачиком у мачты. Брант сидел, прислонившись к борту, и смотрел на звёзды. Тавий лежал на свёрнутом парусе и думал.

Около полуночи Брант заговорил. Тихо, ни к кому не обращаясь.

– Я с Сухих Ступеней, – сказал он. – Вырос там. На шестом уступе, у самой воды. Там раньше был переулок, Кривой называли. Двенадцать домов. Я там родился. Мать там умерла. Потом, когда мне было пятнадцать, был пожар. Весь переулок сгорел. Никто не стал отстраиваться, места там гнилые, вода подходит. Так и стоит пустой. – Он помолчал. – Его ни в каких книгах нет, этого переулка. Его никто не помнит, кроме тех, кто там жил. А из тех, кто там жил, кроме меня, наверно, никого не осталось.

Он повернул голову к Тавию.

– Если вы будете ещё рисовать, мастер Мерн, – сказал он, – скажите мне. Я бы хотел знать заранее. Чтобы сходить туда напоследок.

Тавий не ответил. Он лежал и смотрел на звёзды, и звёзды расплывались у него перед глазами.

Утром пошли в Ласточкину Заводь. Мирта сказала, что хочет ещё раз поговорить со старостой. Тавий подозревал, что она просто не может уйти отсюда, не попытавшись ещё раз.

Ласточкина Заводь была большой деревней, дворов на сорок, с белой часовней на холме и длинным причалом, у которого стояли лодки. Староста Прохор Ветла, крепкий старик с красным лицом и маленькими хитрыми глазками, встретил их на причале. Мирту он узнал сразу и вздохнул.

– Опять ты, – сказал он. – Опять про свой Гребешок?

– Опять, – сказала Мирта.

– Дочка, – староста покачал головой, – я тебя с пелёнок знаю. Ты Сайлова дочка, Петра Сайла, рыбака нашего, который утонул, когда тебе три года было. Мать твоя от горячки померла. Мы тебя всем миром растили. Ты ж у нас и выросла, на соседней улице. Потом на шхуну подалась. Какой Гребешок?

– А где дом моего отца? Покажи, раз мы тут жили.

Староста замялся.

– Ну... сгорел он. Давно. Ещё до тебя.

– Когда?

– Давно, говорю. Лет двадцать как.

– Какой он был? Сколько окон? С какой стороны дверь?

Староста открыл рот и закрыл. Тавий видел, как в его маленьких глазках мелькнуло что-то похожее на испуг. Как будто старик пытался вспомнить и натыкался на пустоту.

– Не помню, – сказал он наконец. – Давно было. Да и какая разница?

Мирта отвернулась.

Тавий прошёл по причалу. Лодки стояли рядами, старые, просмолённые, с именами и знаками на носах. Ласточка, Святой Пётр, Две Сестры. И у самого конца причала, привязанная к последней свае, – маленькая лодка, совсем старая, почерневшая. На носу у неё был вырезан гребешок.

Тавий остановился.

– Чья это? – спросил он у мальчишки, который сидел на причале и чинил сеть.

– Деда Исая, – сказал мальчишка. – Он не рыбачит уже. Так стоит.

– А где он сам?

Мальчишка показал на крайний дом у воды.

Дед Исай оказался очень старым человеком, сухим, как прошлогодний лист, с белыми глазами слепца. Он сидел на лавке у двери и грелся на солнце. Когда Тавий спросил его про лодку, он долго молчал, потом улыбнулся беззубым ртом.

– Хорошая лодка, – сказал он. – Купил у кого-то. Не помню у кого. Давно. А знак на ней хороший, гребешок. Я его пальцами трогаю, когда к причалу хожу. Шершавый.

– Вы не помните, кто вам её продал?

Старик задумался.

– Не помню, – сказал он. – А ведь мне потом сон снится. Часто. Будто кто-то стучит в дверь и говорит: Исай, возьми рыбу, я сегодня много поймал. Голос знакомый, а кто – не пойму. Я открываю, а там никого. Только море шумит. – Он вздохнул. – Старость, наверно. Всё путается.

Тавий поблагодарил его и пошёл обратно. На причале его ждала Мирта. Она смотрела на лодку с гребешком.

– Дядькина, – сказала она. – Он её продал деду Исаю три года назад, когда новую строил. Вот она. А сам дядька... – она замолчала.

– Вещи остаются, – тихо сказал Тавий. – Вещи, которые ушли из того места раньше. Они остаются там, куда ушли. А люди уходят вместе с местом. И память о них уходит. Только сны остаются.

– И что это значит?

– Не знаю. Пока не знаю. – Он посмотрел на неё. – Но я узнаю. Обещаю тебе.

Мирта долго смотрела на него своими серыми глазами.

– Ты много обещаешь, картограф, – сказала она наконец. – Посмотрим.

Назад шли против ветра, долго, тяжело. Мирта почти не разговаривала. Тавий сидел на баке с чёрной книгой на коленях и записывал всё, что видел: линию лишайника, лодку деда Исая, его сон, забывчивость старосты. Писал мелко, подробно, стараясь ничего не упустить. Иногда отрывался, смотрел на море и думал о долине в Сухом Роге. Об отмеченном кружком ските святого Онуфрия. О том, что до седьмого рассвета осталось два дня.

Однажды он поднял глаза и увидел, что Мирта стоит у руля и смотрит на него. Не зло, не враждебно. Просто смотрит, как смотрят на погоду, которую нельзя изменить.

К вечеру шестого дня «Сорока» обогнула мыс Чайки, и впереди показались огни Сальвина. Мирта передала руль Крому и подошла к Тавию.

– Долина твоя когда? – спросила она.

– Послезавтра на рассвете. Если будет.

– Будет, – сказала Мирта уверенно. – Раз остров был, будет и долина. Ты хочешь быть там, когда она появится?

Тавий об этом не думал. Он думал, что будет сидеть в Палате, ждать вестей и сходить с ума. Но, когда Мирта спросила, он понял, что хочет. Хочет увидеть своими глазами. Хочет стоять на гряде над Пересыхой, когда взойдёт солнце, и смотреть, что произойдёт. И хочет увидеть скит святого Онуфрия до того, как.

– Хочу, – сказал он.

– Я отвезу, – сказала Мирта. – До Сухого Рога сутки ходу, если ветер не переменится. Выйдем сегодня же ночью, к рассвету будем у мыса.

– Почему?

Она пожала плечами.

– Потому что, если там тоже кто-то живёт, кто-то, кого нет в твоих книгах, я хочу хотя бы успеть сказать ему, чтобы ушёл.

Брант, стоявший у мачты, повернул голову.

– Мне нужно разрешение, – сказал он.

– Тебе нужно, ты и проси, – отрезала Мирта. – Высадим тебя на причале, сбегаешь к своему Ферро, а мы подождём до полуночи. Не успеешь, уйдём без тебя.

Брант успел. Он вернулся на причал за полчаса до полуночи, запыхавшийся, с запиской от Гелены. В записке было три слова: «Плывите. Я тоже».

Глава 8. Тёплый дол

Ветер не переменился, и к вечеру седьмого дня «Сорока» подошла к Сухому Рогу.

Тавий видел этот берег пять лет назад, когда делал съёмку, но тогда он смотрел на него с палубы палатской барки, считал мысы и заливы, мерил глубины и думал только о том, как бы скорее закончить и вернуться в город. Теперь он смотрел иначе. Полуостров поднимался из моря длинной бурой спиной, иссечённой сухими руслами, как старая кожа морщинами. Холмы были голые, белёсые, с редкими пятнами колючего кустарника. Над ними висело марево. Даже вечером, когда солнце уже клонилось к воде, от камней шёл жар, и ветер, дувший с берега, был сухим и горячим, как из печи.

– Хорошее место, – сказала Мирта, глядя на холмы. – Для змей.

– Здесь живут пастухи, – сказал Тавий. – Весной.

– Весной и змеи вылезают. Вот и живут вместе.

Они обогнули мыс. На самом его конце, на голой скале, нависающей над морем, стоял скит. Тавий узнал его сразу, хотя никогда не видел вблизи. Маленькая часовня из серого известняка, с низкой крышей и покосившимся крестом. Рядом – ещё более маленький домик, скорее хижина, сложенная из того же камня без раствора. Каменная ограда, наполовину обвалившаяся. Колодец с журавлём.

И дым. Над хижиной поднимался тонкий синеватый дым.

– Пуст, – сказала Мирта, не глядя на Тавия. – Так у тебя в книгах написано?

Тавий не ответил.

Высадились в маленькой бухте под скитом. Тропа вела наверх, крутая, вырубленная в камне ступенями, стёртыми за сотни лет. Тавий поднимался первым и считал ступени. На сто двенадцатой тропа вывела на площадку перед часовней.

У колодца сидел старик. Тощий, как жердь, в длинной рубахе из мешковины, подпоясанной верёвкой. Босой. Седая борода до пояса. Он держал в руках деревянную миску и кормил из неё собаку: старую, облезлую, с белыми бельмами на обоих глазах. Собака ела медленно, осторожно, тыкалась носом в миску, и старик гладил её по голове.

Он поднял глаза и посмотрел на пришельцев без удивления.

– Мир вам, – сказал он. – Воды хотите? Вода хорошая, только мало. Пейте, пока есть.

– Отче, – Тавий шагнул вперёд. – Вы здесь живёте?

– Живу, – сказал старик. – Двадцать третий год. Брат Феодул меня звать. А вы кто будете?

– Я картограф. Из Межевой палаты.

– А, – сказал брат Феодул. – Межевые. Пришли меня наконец записать?

Тавий онемел. Мирта за его спиной тихо выругалась.

– Шучу, – сказал старик и улыбнулся. Зубов у него почти не было, и улыбка вышла детская. – Меня записывать не надо. Я уже записан. Там, – он поднял палец к небу. – А больше мне никаких записей не нужно. Садитесь. Вечер скоро. Вы ведь не просто так сюда пришли под вечер. Пастухи весной приходят, а летом сюда никто не ходит.

Они сели на камни у колодца. Брат Феодул принёс воды в глиняном кувшине, и все по очереди пили. Вода была солоноватая и тёплая. Собака подошла к Тавию, ткнулась слепой мордой ему в колено, вздохнула и легла у ног.

– Её Ласка зовут, – сказал брат Феодул. – Пришла ко мне щенком. Тоже, наверно, ни в каких книгах не записана.

Тавий гладил собаку и не знал, что сказать. Как объяснить этому старику, что завтра на рассвете в лощине под его скитом появится долина? Что по ней побежит река, вырастут рощи, ляжет чернозём? Что всё это откуда-то возьмётся, и, может быть, именно отсюда? Что двадцать

три года его жизни в этом ските, его колодец, его часовня, его слепая собака не записаны нигде, кроме выцветшего крестика на старой карте с подписью «пуст»?

– Отче, – сказал он наконец, – вам надо уйти отсюда. Сегодня. На ночь. Сядьте к нам на шхуну, переночуйте в море. Утром вернётесь.

Брат Феодул посмотрел на него с интересом.

– Почему?

– Может случиться... – Тавий запнулся. – Может случиться что-нибудь плохое. Я не знаю. Может, ничего не случится. Но я не хочу, чтобы вы были здесь.

– Ты что-то нарисовал, – сказал старик спокойно.

Тавий вздрогнул. Брат Феодул смотрел на него ясными, выцветшими голубыми глазами, и в глазах этих не было ни страха, ни удивления.

– Откуда вы знаете?

– Я не знаю. Я догадываюсь. – Старик погладил бороду. – Двадцать три года назад, когда я сюда пришёл, тут жил другой монах. Брат Онуфрий, в честь святого. Он меня и научил всему. Он был очень старый и много чего знал. Он мне рассказывал, что в старину были люди, которые рисовали землю. Не так, как вы, межевые, рисуете то, что есть. А наоборот. Рисовали то, чего нет, и оно появлялось. Их звали тогда межниками. Святой Межник, которому в Сальвине собор поставили, был из них. Первый. Говорят, он нарисовал всю Ардею. – Брат Феодул помолчал. – Брат Онуфрий говорил, что дар этот страшный. Потому что земля из ничего не берётся. Чтобы где-то появилось, где-то должно исчезнуть.

Мирта перестала дышать. Брант, стоявший у ограды, медленно повернулся.

– Откуда исчезнуть? – спросил Тавий хрипло.

– Из забытого, – сказал старик просто. – Так брат Онуфрий говорил. Земля держится памятью. Пока о месте помнят, пока его записывают, пока по нему ходят, оно стоит крепко. А забытое – оно как бы на краю. Его можно взять. – Он вздохнул. – Я тогда думал, что это сказки. Красивые, страшные сказки. А потом вспомнил, когда в Сальвине появился остров. До нас слухи доходят, пастухи рассказывают. Подумал: вот, значит, кто-то опять рисует.

– Тогда вы понимаете, – сказал Тавий. – Вам надо уйти.

– Понимаю. – Старик кивнул. – Но я не уйду.

– Почему?

– Потому что, если ты нарисовал тут, внизу, в лощине, свою землю, и она возьмёт мой скит, значит, так тому и быть. А если не возьмёт, значит, я тут кому-то ещё нужен. Я двадцать три года тут сижу, сынок. Мне бежать некуда и незачем. – Он погладил собаку по спине. – И Ласка тоже не пойдёт. Она в лодках боится.

Тавий открыл рот, чтобы спорить, но Мирта положила ему руку на плечо.

– Не надо, – сказала она тихо. – Он решил.

Они остались. Мирта отправила Юрку на шхуну сказать Крому, что ночуют на берегу. Брат Феодул сварил похлёбку из сушёной рыбы и каких-то горьких трав, и все поели из общего котелка, сидя у колодца. Солнце село в море. Над Сухим Рогом высыпали звёзды, такие крупные и яркие, каких Тавий никогда не видел в Сальвине.

Около полуночи на тропе послышались шаги. Брант вскочил, схватился за нож. Из темноты вышли двое с фонарями: человек Ферро в тёмной куртке и женщина в дорожном плаще. Гелена.

– Я обещала, – сказала она, заметив их лица. – Я тоже.

Она приехала по суше. Верхом, через весь полуостров, с одним провожатым, по пастушьей тропе. Лошадей оставили у подножия скалы. Платье у неё было в пыли до колен, руки в ссадинах от поводьев, но глаза блестели.

Брат Феодул поднялся ей навстречу, поклонился.

– Ваша светлость, – сказал он. – Не ждал.

– Вы меня знаете?

– Видел, когда вы совсем маленькая были. С отцом вашим в Сальвин приезжали, на освящение собора. Я тогда ещё не здесь был, в городе служил. – Он улыбнулся. – Вы были рыжая и всё время плакали.

Гелена засмеялась, впервые с тех пор, как Тавий её знал, легко и громко.

– Я и сейчас иногда плачу, отче. Только уже не рыжая.

Ночь была долгая. Никто не спал. Брат Феодул молился в часовне, и через открытую дверь было слышно, как он бормочет что-то нараспев. Мирта сидела на краю обрыва и смотрела в темноту. Брант с другим человеком Ферро ходили вдоль ограды, как часовые. Гелена сидела рядом с Тавием у колодца, закутавшись в плащ.

– Вы рассказали ему, – сказала она тихо.

– Он сам знал. От старого монаха.

– Межники. – Гелена покачала головой. – Я читала про святого Межника. В летописях пишут, что он «положил меру земле Ардейской». Я всегда думала, что это значит – провёл границы. А это значит – нарисовал.

– Может быть.

– И за это кто-то заплатил.

Тавий промолчал.

– Мастер Мерн, – сказала Гелена, – вы обещали сказать мне, если узнаете, кто платит за ваши острова.

– Я пока не знаю точно.

– Но догадываетесь.

– Догадываюсь.

– Тогда скажите, что догадываетесь.

Он рассказал. Про Гребешок, про линию лишайника, про лодку деда Исая и его сны. Про Маруху и Козий мыс. Гелена слушала, не перебивая, и её лицо в свете звёзд становилось всё бледнее.

– Шестнадцать человек, – сказала она, когда он закончил. – За остров, на котором Солье теперь строит летний дом.

– Да.

– Брат не знает.

– Нет.

– И не узнает, – сказала Гелена. – Пока. Я сама решу, когда ему сказать и как. Если он узнает сейчас, он может решить, что шестнадцать рыбаков, которых нет ни в одной книге, – приемлемая цена за остров. Он не злой, мастер Мерн. Он просто очень устал и очень боится. А испуганные люди считают иначе.

Перед рассветом небо на востоке начало сереть. Все, не сговариваясь, поднялись и пошли к краю площадки, откуда была видна лощина. Брат Феодул вышел из часовни и встал рядом. Ласка жалась к его ногам.

Лощина лежала внизу, под скитом, тёмная, как пересохшее русло. Белые камни Пересыхи чуть светились в сумерках. Голые склоны, колючки, ни травинки. Ветер дул с моря, холодный, предрассветный.

Небо светлело. Сначала серое, потом розовое, потом золотое. Над морем показался край солнца.

Тавий не видел, как это произошло. Никто не видел. Не было ни грома, ни вспышки, ни дрожи земли. Только что внизу лежала сухая лощина. А потом первый луч солнца перевалил через гряду и упал вниз, и там, куда он упал, была долина.

Река. Широкая, светлая, бегущая по камням, сверкающая на перекатах. Она шла от основания полуострова к морю, петляя между холмами, разливаясь плёсами, подмывая берега.

Вдоль реки – луга, ярко-зелёные, мокрые от росы. На склонах – рощи, тёмные, густые. Полосы леса вдоль северных гряд, ровные, как он рисовал. Выше – пашни, ещё не вспаханные, но уже чёрные, жирные, блестящие. И над всем этим – запах. Мокрой травы, речной воды, земли.

Тавий стоял на краю обрыва и не мог дышать.

– Господи, – сказал кто-то рядом. Гелена.

Мирта молчала. Брант снял шапку. Брат Феодул тихо засмеялся.

– Красиво, – сказал он. – Брат Онуфрий был бы доволен. Он всегда мечтал, чтоб тут хоть что-нибудь выросло.

Тавий обернулся. Скит стоял на месте. Часовня, хижина, ограда, колодец с журавлём. Ласка сидела у ног старика и нюхала воздух, поворачивая слепую морду к долине, откуда тянуло водой и травой.

Скит остался. Старик остался. Собака осталась.

Тавий почувствовал, как ноги у него подгибаются, и сел прямо на камень.

– Он остался, – сказал он. – Он остался.

– Остался, – повторила Мирта. Она смотрела на него странно. – А кто не остался?

Он не знал.

Они спустились в долину. Шли по лугу, по колено в мокрой траве. Река была холодная, быстрая, на дне блестели камни. В роще пели птицы, которых здесь не было ещё вчера. Гелена шла молча, иногда наклонялась, трогала траву, землю, кору деревьев, будто не верила. Мирта шла рядом с Тавием и тоже молчала.

На берегу реки, у одного из плёсов, Тавий нашёл то, чего боялся.

Это был межевой камень. Старый, серый, вкопанный в землю, с выбитой на боку надписью. Буквы стёрлись, но Тавий разобрал: «Межа Ольховой пустоши. Лета...» Дальше было не прочесть.

Ольховая пустошь. Он не знал такого места. Никогда не слышал. Ни в одной описи, которые он видел за двенадцать лет в Палате, её не было.

– Что там? – спросила Гелена.

– Камень, – сказал Тавий. – Межевой. С чьей-то земли.

Гелена наклонилась, прочитала надпись. Выпрямилась. Ничего не сказала. Но Тавий видел, как побелели её губы.

Они вернулись к скиту к полудню. Брат Феодул вынес им хлеба и сушёных фиг, и они ели, сидя на ограде, глядя вниз, на долину, где над рекой уже кружили ласточки. Ласка лежала в тени у колодца и вздыхала во сне.

Гелена доела хлеб, вытерла пальцы о платок, потом достала из дорожной сумки маленькую тетрадь в зелёном переплёте и свинцовый карандаш.

– Отче, – сказала она, – как вас звали в миру?

Брат Феодул удивился.

– Фёдор Лутовин. Из Солье. Сын бочара. А что?

– Сколько вам лет?

– Семьдесят один. Или семьдесят два, я со счёта сбился.

Гелена писала. Быстро, мелким острым почерком, тем же, что в записках. Тавий видел через её плечо: «Скит св. Онуфрия на мысу Сухого Рога. Жилой. Насельник: брат Феодул, в миру Фёдор Лутовин из Солье, 71 год, живёт с 23-го года тому назад. Колодец с журавлём, часовня, келья, ограда. Собака по кличке Ласка, слепая».

– Зачем это, ваша светлость? – спросил старик.

– Затем, что теперь вы записаны, – сказала Гелена, не поднимая головы. – Моей рукой. А завтра я велю переписать это в межевую книгу Палаты и в приходскую книгу Солье, и в мою собственную, которая лежит у меня в спальне под замком. Если кто-нибудь когда-нибудь снова нарисует землю, ваш скит будет не пуст.

Брат Феодул долго смотрел на неё, потом медленно перекрестил.

– Спасибо, дочка, – сказал он. – Хотя мне и так хорошо было.

– Вам – может быть, – ответила Гелена. – А мне нет.

Она закрыла тетрадь, убрала её в сумку и посмотрела на Тавия.

– Вы ведь это и хотели сделать, – сказала она тихо. – Когда обвели скит кружком. Только не знали как.

Тавий кивнул. Он и правда не знал. Он думал, что кружка на карте достаточно. Теперь он понимал, что карта, нарисованная его рукой, – это одно, а память, записанная многими руками, – другое. Что земля держится не линией, а тем, сколько людей знает, что за этой линией кто-то живёт.

Мирта, сидевшая на ограде чуть поодаль, вдруг сказала, не поворачивая головы:

– А Гребешок кто запишет? Задним числом?

Ей никто не ответил.

В Сальвин вернулись на третий день. Город гулял. Новость о долине на Сухом Роге примчалась раньше них: гонцы князя скакали всю ночь. На площадях звонили колокола, глашатаи кричали о втором чуде, о Тёплом доле, о том, что князь раздаст землю всем, кто захочет. У ворот дворца стояла толпа: рыбаки, подёнщики, отставные солдаты, крестьянские сыновья. Все хотели земли.

Тавий не пошёл во дворец. Он пошёл в Палату.

Кассиан был в своём кабинете. Он стоял у окна, глядя на город, и не обернулся, когда Тавий вошёл.

– Видел? – спросил он.

– Видел.

– Красиво получилось?

– Красиво.

Кассиан помолчал.

– В Серых Зубцах, – сказал он, всё так же не оборачиваясь, – над Ольшаной, на старой козьей тропе, был скит. Маленький, на три кельи. Там жил старый отшельник. Я его знал сорок лет. Ходил к нему каждую осень, приносил книги и вино. Позавчера я поехал туда. Тропа обрывается в пропасть. Скита нет. Ни стен, ни креста, ни могилы. Пастух, который водил меня туда тридцать лет, говорит, что никакого скита никогда не было.

Он наконец повернулся. Лицо у него было усталое и очень старое.

– Ольховой пустоши тоже больше нет, – сказал он. – Это под Серыми Зубцами. Там жили угольщики, три семьи. Их нет ни в одной книге. Я знал, что они там живут, но в книги не вписал. Мне казалось, им так лучше.

Тавий смотрел на него и чувствовал, как внутри поднимается что-то тяжёлое, горячее, больное.

– Вы знали, – сказал он. – Вы знали, что так будет.

– Я знаю давно, Мерн, – тихо ответил Кассиан. – Очень давно. Сядь. Нам надо поговорить.

Глава 9. Учитель

Кассиан не стал говорить в кабинете. Он снял с крюка у двери связку ключей, тяжёлую, старую, на кольце размером с браслет, взял со стола фонарь и кивнул Тавию.

– Пойдём вниз.

Тавий двенадцать лет прослужил в Палате и знал её всю. Три этажа над землёй: на первом прихожая, архив межевых книг и печатня, на втором кабинеты мастеров, на третьем чертёжная. Под землёй подвалы, где хранились старые карты, слишком ветхие, чтобы ими пользоваться, и слишком ценные, чтобы их выбросить. Он спускался туда сотни раз, искал старые съёмки, сверял границы, дышал пылью. Но в конце подвального коридора была дверь, обитая железом, с тремя замками, и за эту дверь он не заходил ни разу. Никто из палатских не заходил. Говорили, что там хранится казна Палаты, или тайные карты времён войны, или вообще ничего, а дверь просто для страха.

Кассиан остановился у этой двери и начал отпирать замки один за другим.

– Здесь, – сказал он, не оборачиваясь, – за двести лет побывало человек тридцать. Главы Палаты, их ученики, которым предстояло стать главами. Иногда князья. Твой нынешний князь не был ни разу. Его отец был один раз, перед войной, и вышел отсюда белый, как стена. Больше не приходил.

Третий замок щёлкнул. Кассиан толкнул дверь плечом, и она отворилась с низким стоном.

За дверью была круглая комната с низким сводчатым потолком. Сухая, очень сухая, без малейшего запаха сырости, будто стены здесь были не из камня, а из сухой кости. Посередине стоял стол. Длинный, тяжёлый, из чёрного дерева, без единого украшения. На столе, под стеклянным колпаком, сделанным, наверно, на заказ, потому что Тавий никогда не видел стекла такого размера, лежал свиток.

Кассиан поставил фонарь на край стола и снял колпак.

– Корневая карта, – сказал он. – Смотри. Только не трогай.

Тавий наклонился.

Это был пергамент. Очень старый, тёмно-жёлтый, местами почти коричневый. Свиток был развёрнут на всю длину стола, и концы его были придавлены двумя медными цилиндрами. На пергаменте была нарисована Ардея.

Не так, как рисовали Ардею в Палате. Не теми условными знаками, которые Тавий знал наизусть: кружок для города, крестик для церкви, штриховка для гор. Это был рисунок, сплошной, живой, бесконечно подробный. Горы были нарисованы как горы, каждая вершина отдельно, с тенями, с ледниками. Леса были нарисованы деревьями, тысячами крошечных деревьев. Реки были не синими линиями, а настоящими реками, с водоворотами, с перекатами, с отмелями. Города – домами, улицами, площадями. Тавий нашёл Сальвин: залив, холмы, дворец на вершине. Собор. Межевую палату на её холме. Даже Сухие Ступени, тесные уступы, лепящиеся к воде.

Чернила выцвели, но не исчезли. Всё было видно. Каждую мелочь.

– Кто это нарисовал? – прошептал он.

– Святой Межник. Хотя святым его назвали потом. При жизни его звали Ардо, просто Ардо, без фамилии. – Кассиан стоял рядом, сложив руки за спиной. – Двести шестьдесят лет назад здесь не было никакой Ардеи. Были горы, был берег, было море. Несколько рыбачьих деревень, несколько пастушьих стойбищ. И болото там, где сейчас Сальвин. Огромное болото до самого залива. Ардо был пастухом. Говорят, он рисовал углём на камнях, как ты в детстве. И однажды нарисовал на камне город. И город появился.

Тавий смотрел на крошечный дворец на вершине холма.

– Это всё он?

– Всё, что ты видишь. Долины, реки, леса, холмы, на которых стоит Сальвин. Он рисовал сорок лет, до самой смерти. Он нарисовал страну. А потом сшил все свои рисунки в один свиток. Этот. И поставил на нём свой знак. Видишь, в углу?

В нижнем углу свитка, под самым краем, Тавий увидел знак. Маленький, едва заметный. Круг, перечёркнутый одной линией.

– Говорят, это значит «земля, которую держит мера», – сказал Кассиан. – А может, ничего не значит. Может, он просто так подписывался. Неграмотный был.

– Что значит «держит»?

Кассиан помолчал.

– Ты сам уже понял, что земля из ничего не берётся, – сказал он. – Ты видел Гребешок. Ты видел Ольховую пустошь, точнее, её межевой камень. Ты слышал про мой скит над Ольшаной. Земля, которую рисует межник, берётся из забытого. Из мест, о которых никто не помнит, которых нет в книгах, по которым не ходят. Они как бы на краю мира. Тонкие. Их можно взять, как берут нитку из старой ткани, чтобы заштопать новую.

– Это я понял.

– А вот чего ты не понял, – продолжал Кассиан, – это то, что и сама Ардея когда-то была нарисована. И тоже взялась откуда-то. Из чего-то забытого. Из чего, никто не знает. Может, из земель, которые были здесь до неё. Может, из каких-то других мест, далёких. Летописи об этом молчат. – Он показал рукой на свиток. – Но Ардо понимал, что, если его землю тоже забудут, её тоже можно будет взять. И поэтому он сшил Корневую карту. Всё, что нарисовано на ней, держится крепко. Это как якорь. Пока карта цела, Ардею нельзя взять никаким новым рисунком. Можно взять только то, что на ней не нарисовано. Или то, что уже не похоже на то, что нарисовано.

– Как Гребешок?

– Гребешка нет на Корневой карте. Его основали лет сто назад, уже после Ардо. Никто его не дорисовал, никто не вписал в книги. Он был ничей. Как скит над Ольшаной. Как Ольховая пустошь.

Тавий долго молчал, глядя на свиток.

– А если карту уничтожить? – спросил он наконец.

Кассиан чуть повернул голову. В свете фонаря его лицо было неподвижным.

– Тогда якорь оборвётся, – сказал он ровно. – И через семь рассветов всё, что держалось на ней, станет таким же тонким, как Гребешок. И любой межник сможет взять это для своего рисунка. Или оно просто уйдёт само. Никто не знает. Никто не пробовал.

– И поэтому её прячут здесь.

– Поэтому её прячут здесь. И поэтому глава Палаты отвечает за неё головой. И поэтому о ней не пишут ни в уставе, ни в летописях. – Кассиан накрыл свиток колпаком. – Ты теперь знаешь. Тебе с этим жить.

Они поднялись наверх, в кабинет. Кассиан запер дверь, достал из шкафа кувшин и две кружки, налил вина. Сел за стол, Тавий напротив. За окном садилось солнце, и на улицах Сальвина звонили колокола: город праздновал Тёплый дол.

– Вы сказали, что знаете давно, – проговорил Тавий. – Откуда?

Кассиан отпил вина, поставил кружку.

– Потому что я тоже межник, – сказал он. – Был.

Тавий не удивился. Он понял, что ждал этого с той ночи, когда учитель пришёл к нему в каморку с кувшином вина. Может быть, раньше. Может быть, с того дня, двенадцать лет назад, когда семнадцатилетний мальчишка с острова протянул главе Палаты рекомендательное письмо и тот посмотрел на него слишком внимательно, будто узнал.

– Почему был?

– Потому что дар не вечен, – сказал Кассиан. – Межник платит за каждый рисунок. Не только землёй, но и собой. Ты ведь уже заметил?

Тавий вспомнил колыбельную.

– Я забыл песню, – сказал он. – Которую мне пела мать. После долины.

– Вот. – Кассиан кивнул. – Каждый большой рисунок берёт у межника кусок памяти. Не случайный. Самый старый, самый тёплый. Как будто земля, которую ты рисуешь, тоже хочет, чтобы её кто-то любил, и забирает у тебя то, что ты любил. Песню. Запах. Лицо. Голос. Сначала понемногу. Потом больше. – Он смотрел в кружку. – Я рисовал, когда был молод. Немного. Небольшие вещи. Я думал, что смогу остановиться вовремя. А потом однажды проснулся и не мог вспомнить, как выглядела моя мать. Совсем. Ни глаз, ни волос, ни голоса. Только имя. И я перестал. А дар через несколько лет ушёл. Высох, как колодец, из которого не берут воду.

– Что вы рисовали?

Кассиан поднял глаза. Светлые, внимательные, ясные.

– Это неважно, – сказал он. – Это было давно. Важно, что будешь рисовать ты.

Тавий отвёл взгляд.

– Я больше не буду, – сказал он. – Ничего.

– Князь потребует.

– Я откажусь.

– Он не примет отказа.

– Пусть. – Тавий сжал кружку так, что побелели пальцы. – Мастер, шестнадцать человек на Гребешке. Три семьи угольщиков в Ольховой пустоши. Ваш отшельник. Маруха с козами. Это только то, что мы знаем. А сколько ещё? Сколько хуторов, о которых никто не знает? Сколько людей? Остров в заливе, на котором граф Солье строит летний дом. Долина, на которой князь раздаст землю. Это же всё... – он запнулся, – это же всё из людей.

– Из людей, – согласился Кассиан. – Да.

– И вы мне советовали подчиниться. Рисовать долину. Записывать пропажи.

– Советовал.

– Зачем?

Кассиан долго молчал. Потом встал, подошёл к окну, посмотрел на город. Колокола всё звонили.

– Затем, чтобы ты увидел своими глазами, – сказал он. – Если бы я рассказал тебе всё это неделю назад, ты бы мне поверил? Нет. Ты бы решил, что старик выжил из ума. Или что я тебя пугаю, чтобы ты не достался князю. Тебе нужно было увидеть. Гребешок. Скит. Камень Ольховой пустоши. Я тебе дал книгу для записей, чтобы ты знал: всё, что ты видишь, правда. Чтобы ты сам себе не мог потом соврать.

Он обернулся.

– Теперь ты знаешь, Мерн. Теперь ты можешь решать сам. Не потому, что я сказал. Не потому, что князь велел. А потому, что ты знаешь цену.

– А если бы в Сухом Роге в ските жили люди? – спросил Тавий тихо. – Если бы брат Феодул ушёл на поля карты вместе со своей собакой? Вы бы это тоже считали уроком?

Кассиан не ответил сразу.

– Я знал, что скит записан, – сказал он наконец. – Пусть и как пустой. Записанное держится крепче. Я надеялся.

– Надеялись.

– Да, Мерн. Надеялся. – Учитель вернулся к столу, сел, сцепил пальцы. – Тебе не понравится то, что я сейчас скажу. Но ты должен это услышать. Ты не первый межник, который приходит к князю. Их было много за двести лет. Не все рисовали землю. Некоторые рисовали дороги, мосты, перевалы. Кто-то и правда рисовал острова. Всякий раз за это кто-то платил. Всякий раз межник думал, что сможет нарисовать немного, только раз, только там, где никто

не живёт. Всякий раз князь просил ещё. И всякий раз всё кончалось плохо. Для межника и для тех, кто на краю.

– Что значит плохо для межника?

– Межник забывал всё. Себя, семью, своё имя. В конце концов от него оставалась только рука, которая рисует. А потом и рука переставала. Один из них, лет сто назад, рисовал для деда нынешнего князя порт на месте старой рыбачьей деревни. Нарисовал. Потом рисовал ещё и ещё. Через пять лет он сидел в башне дворца и рисовал на стенах, на полу, на собственных руках, а когда ему давали бумагу, рисовал на бумаге одно и то же: дом с красной крышей и девочку у калитки. Кто эта девочка, он не помнил. Никто не помнил. – Кассиан помолчал. – Его похоронили без имени. В книге Палаты он записан как «межник при дворе, пять лет».

Тавий молчал. Где-то внизу, на улице, кто-то пел пьяным голосом, и толпа подхватывала.

– Кто купил мой лист у Сверчка? – спросил он вдруг.

Кассиан посмотрел на него без выражения.

– Какой лист?

– Остров. Мальчишка продал его человеку в плаще. С руками в чернилах. У Солёных ворот. А через два дня этот лист принесли Ферро. Кто-то знал, мастер. Кто-то знал, что я межник, ещё до того, как остров появился.

– Ферро тебе сам сказал, что не знает, кто принёс.

– Ферро сказал. А вы что скажете?

Кассиан медленно отпил вина.

– Я скажу, что в Сальвине много людей с руками в чернилах, – ответил он. – Писари, переписчики, приказные, печатники, учителя, монахи. У Солёных ворот вечерами их ходит больше, чем рыбаков. – Он поставил кружку. – Я скажу, что у Ферро в Палате наверняка есть свой человек, и, может быть, даже не один. И что, если бы я хотел подсунуть твой лист князю, я бы не стал делать это через мальчишку и чужие руки. Я бы просто пришёл к князю и рассказал. Мне он поверил бы.

Это звучало разумно. Тавий смотрел на учителя и не мог понять, верит он ему или нет. Двенадцать лет он верил Кассиану во всём. Учитель взял его в Палату, когда другие смеялись над островным выговором. Научил рисовать рельеф, считать масштабы, читать старые межи. Защищал перед братьями Окунь, перед монастырём, перед собственным начальством. Двенадцать лет. А сейчас он сидел напротив и не мог понять, что прячется за этими светлыми спокойными глазами.

– Что мне делать, мастер? – спросил он наконец.

– Откажи князю, – сказал Кассиан. – Сегодня же. Пока он не попросил большего. Скажи, что дар ушёл, что долина была последней, что ты не можешь. Скажи, что угодно. Если он тебе не поверит, держись. Ферро будет давить. Князь будет просить. Совет Домов будет пытаться тебя купить. Держись. Каждый день, что ты не рисуешь, кто-то на краю живёт ещё один день.

– А Луция?

Кассиан вздохнул.

– Княжна дала тебе слово. Насколько я знаю Гелену, она держит слово лучше брата. Если ты боишься, напиши сестре, пусть уедет с острова на время. К родне, к подругам, куда-нибудь, где её не станут искать.

Тавий кивнул. Он и сам думал об этом.

– Я откажусь, – сказал он.

– Хорошо. – Кассиан встал, давая понять, что разговор окончен. Но, когда Тавий был уже у двери, окликнул его: – Мерн.

Тавий обернулся.

– Записывай, – сказал учитель. – В книгу. Всё, что вспомнишь из своего прошлого. Каждый вечер. Песни, лица, запахи, имена. Всё, что тебе дорого. Если когда-нибудь тебе придётся

рисовать снова, тебе будет что перечитать. – Он чуть улыбнулся. – Я этого не сделал. Теперь жалею.

Тавий вышел. Спустился по лестнице, мимо пустой чертёжной, мимо людей Ферро у дверей, которые подняли головы и снова опустили. На улице было почти темно, и над Сальвином вспыхивали праздничные огни: князь велел жечь костры на всех площадях в честь Тёплого дола.

Тавий шёл домой и думал о круглой комнате под Палатой, о жёлтом свитке под стеклом, о крохотных домах Сухих Ступеней, нарисованных рукой неграмотного пастуха двести шестьдесят лет назад. О том, что и они когда-то взялись из чего-то забытого. И о том, что на этом свитке нет ни Гребешка, ни Козьего мыса, ни скита над Ольшаной, ни Ольховой пустоши. Нет ничего, что появилось после. Всё, что люди построили за двести шестьдесят лет без записи, держится только на памяти тех, кто там живёт.

Дома он зажёг свечу, открыл чёрную книгу и начал писать. Не о пропажах. О себе.

«Мать звали Аглая. У неё были тёмные волосы, которые она заплетала в косу и прятала под платок. Руки пахли рыбой и дымом. Она пела, когда чинила сети, но слов колыбельной я уже не помню. Отца звали Илья Мерн. Он был молчаливый, сердился редко, но, если сердился, бил кулаком по столу так, что подпрыгивала посуда. У него была лодка, которую он звал "Аглаей", как мать. Луция родилась, когда мне было двенадцать. Она была красная и кричала. Я нарисовал для неё остров с домиком на сваях...»

Он писал до глубокой ночи. Исписал двенадцать страниц. Когда свеча догорела, зажёг новую и писал ещё. Писал про запах смолы на причале, про вкус печёной рыбы, про отца Онисима и его скучные прописи, про старую рябину у дома, про первый снег, который на Скалице выпадал раз в пять лет и таял к полудню. Писал и боялся остановиться, будто, если остановится, всё это уйдёт.

Под утро он заснул прямо за столом, уткнувшись лицом в раскрытую книгу. Ему снилось, что он маленький, сидит у постели и кто-то поёт ему песню про чайку и рыбака. Слова были совсем рядом, ещё чуть-чуть, и он их услышит. Но, когда он проснулся, их опять не было.

Глава 10. Отказ

Во дворец его позвали сами, ему даже не пришлось просить. Утром, когда он ещё спал, уткнувшись в чёрную книгу, в дверь каморки постучали. На пороге стоял тот же молодой человек с незапоминающимся лицом, который водил его через сад.

– Государь просит вас к полудню, – сказал он. – Государь очень доволен.

По Сальвину в то утро было не пройти. Площади не успели прибрать после ночного праздника: валялись обгорелые головни, битые кувшины, увядшие гирлянды. Но люди уже снова стояли толпами. У ворот дворца, у собора, у здания Совета Домов. Писари княжеской канцелярии сидели за столами, вынесенными прямо на мостовую, и записывали желающих получить землю в Тёплом доле. Очередь тянулась на три улицы. Рыбаки, солдаты в выцветших мундирах, крестьянские парни с котомками, вдовы с детьми, подёнщики с Сухих Ступеней. Все хотели земли.

Тавий шёл мимо очереди и смотрел на лица. Люди смеялись, спорили, толкались, мечтали вслух. Один старик рассказывал соседу, как посадит на своём участке яблоню, потому что всю жизнь мечтал о собственной яблоне. Молодая женщина с младенцем на руках спрашивала у писаря, дадут ли ей надел без мужа, и писарь, ухмыляясь, отвечал, что князь велел давать всем. Тавий видел, как она прижала ребёнка к груди и заплакала.

Он отвернулся и пошёл быстрее.

Князь принял его в той же комнате с картами. Но на этот раз он был не один. У стола стоял Ферро, у окна – Гелена, а в кресле у камина, развалившись, сидел молодой человек в ярко-зелёном камзоле с золотыми пуговицами. Длинные завитые волосы, тонкие усики, перстни на всех пальцах.

– Мерн! – Князь бросился к нему, обнял, расцеловал в обе щеки. От него пахло вином и бессонной ночью. – Мерн, вы чудо! Вы слышали, что творится в городе? Семь тысяч человек записались за одно утро! Семь тысяч! Знаете, сколько это налогов через пять лет? Знаете, сколько это солдат, если Каарана опять полезет? Я вас озолочу, Мерн! Нет, правда. Познакомьтесь, это барон Варс, мой казначей. Варс, это человек, который спас мою казну.

Молодой человек в зелёном поднялся, поклонился с изящным равнодушием.

– Мастер Мерн. Счастлив. Государь не говорит ни о чём другом уже три дня.

Тавий поклонился в ответ. Гелена у окна смотрела на него, и он поймал её взгляд. В нём было предупреждение.

– Садитесь, садитесь! – Князь силком усадил его на стул и сам сел напротив, придвинувшись так близко, что их колени почти касались. – Я всю ночь думал. Знаете, что мы сделаем дальше? Пустоши. Вся Ардея состоит из пустошей. Сухой Рог – это только начало. Есть ещё Солончаки на востоке, есть Каменная степь под Ратеновыми землями, есть болота за Ольшаной. Вы нарисуете там долины. Одну за другой. Каждые семь дней новая. Через год Ардея будет вдвое больше. Через два – втрое. И ни одного выстрела, ни одного каарского гроша!

– Кааранского, – тихо поправила Гелена от окна.

– Какая разница! – Князь махнул рукой. – Мерн, что скажете?

Тавий молчал. Он думал о старике в очереди, который мечтал о яблоне. О женщине с ребёнком. Они получат землю в Тёплом доле. Землю, которая взялась из Ольховой пустоши. Из трёх семей угольщиков. Может, тоже с детьми. Может, тоже с яблонями.

– Ваша светлость, – сказал он, – я больше не могу.

Князь не понял.

– Что не можете?

– Рисовать. Дар ушёл. Долина была последней.

В комнате стало тихо. Барон Варс поднял тонкую бровь. Князь смотрел на Тавия, и улыбка медленно сползала с его лица, как сползает краска с намокшей стены.

– Ушёл, – повторил он. – Как это ушёл?

– Не знаю. Я пробовал вчера, нарисовал маленький остров у Рыбьей косы. Ничего не случится. Я чувствую. Раньше, когда ставил знак, было... – он поискал слово, – было холодно в пальцах. А вчера ничего.

Это была ложь, и он знал, что лжёт плохо. Он слышал, как запинается на первых звуках, чувствовал, как горят уши. Он не смотрел на Ферро, но знал, что Ферро смотрит на него.

– Он лжёт, ваша светлость, – сказал Ферро спокойно.

Князь перевёл взгляд на начальника Тихой службы.

– С чего ты взял?

– Он заикается, когда лжёт. На первом слове. – Ферро говорил ровно, без выражения, как читал бы опись. – Я слушал его на острове, у сосны, и в прошлый раз здесь. Когда он говорит правду, он не заикается. Вчера вечером он вернулся в Палату с Сухого Рога, полтора часа говорил с мастером Дорном в его кабинете, потом пошёл домой и до утра писал при свече. Никакого острова у Рыбьей косы он не рисовал. Мои люди не отходили от него ни на шаг.

Тавий почувствовал, как кровь бросилась в лицо.

– Это правда, Мерн? – спросил князь тихо.

Тавий молчал. Князь смотрел на него, и в его беспокойных глазах больше не было восторга. Было что-то другое. Обида. И страх.

– Почему? – спросил князь. – Я вам предложил всё. Деньги, дом, титул. Я вам дал слово, что не трону вашу сестру. Я дал вам свободу рисовать, где хотите. А вы мне лжёте. Почему?

И тут Тавий не выдержал.

Он сам не понял, как это вышло. Ещё мгновение назад он собирался молчать, держаться, как советовал Кассиан. А теперь вдруг заговорил. Быстро, сбивчиво, глотая слова, и уже не заикаясь, потому что говорил правду.

Про Гребешок. Про шестнадцать человек, которых нет ни в одной книге. Про Мирту, которую соседи считают сиротой из Ласточкиной Заводи. Про линию лишайника на скалах. Про лодку деда Исая и его сны. Про межевой камень Ольховой пустоши на берегу новой реки. Про скит над Ольшаной. Про Маруху с её козами, которая ушла двадцать лет назад, когда девятилетний мальчишка нарисовал бухту для отцовской лодки. Про то, что земля не берётся из ничего. Что каждый остров, каждая долина, каждая пашня – это чей-то дом. Чьи-то дети. Чьи-то могилы.

Он говорил долго. Когда замолчал, в комнате было так тихо, что слышно было, как за окном на карнизе воркуют голуби.

Князь сидел неподвижно, глядя в пол. Барон Варс перестал улыбаться. Ферро стоял у стола, сцепив руки за спиной, и лицо у него было непроницаемое. Гелена у окна закрыла глаза.

– Шестнадцать человек, – сказал наконец князь. Голос у него был хриплый. – За остров.

– Да.

– А за долину?

– Не знаю. Три семьи угольщиков. Скит. Может, ещё кто-то. Я не знаю, ваша светлость. Никто не знает. Они же нигде не записаны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.